
Анна Воскресенская
Точка опоры

Арсеньевы

Анна Воскресенская

Точка опоры. Книга 1

«Автор»
2026

Воскресенская А.

Точка опоры. Книга 1 / А. Воскресенская — «Автор», 2026 — (Арсеньевы)

Первая книга цикла.Москва, 1901–1907. Вере Лагодиной пятнадцать, когда знакомство с будущим мужем начинается с того, что она бьет его книгами по лицу. Так начинаются шесть лет взросления, первой любви, надежд и потерь.Рядом с ней – двое. Один будет рядом в самые темные времена, но его молчание порой ранит сильнее слов. Другой искренне любит и обещает будущее – но всегда ли любви достаточно?История разворачивается в повседневной Москве начала XX века – в домах и на улицах, среди семейных забот, учебы, работы и привычных условностей. Русско-японская война и революция 1905 года рушат привычный уклад и меняют обстоятельства, в которых живут герои. В этих условиях Вере предстоит разобраться в собственных чувствах, отношениях с близкими и ответственности за свой выбор.Исторический социально-психологический роман о любви и взрослении на фоне событий начала XX века.

© Воскресенская А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Снег и книги 5
Тонкий лед 9
Перемирие 12
Бублики и Чернышевский 16
Пометки на полях 19
Уроки под липами 24
Цена мечты 29
После бала 32
Пять копеек на Луну 38
Точка отсчета 45
Посторонний наблюдатель 50
Б 57
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Точка опоры. Книга 1

Снег и книги

За окном смеркалось, когда Вера стала собираться в библиотеку.

Было воскресенье, последний день рождественских каникул. В комнате стоял привычный стрекот. Мама, Лидия Григорьевна, сидела за швейной машинкой, мерно качая ногой чугунную педаль. Ее тяжелые черные волосы были убраны в низкий тугой узел. Справа от нее на столе стояла керосиновая лампа в белом абажуре, выхватывая из полумрака только блестящую лапку и ее длинные тонкие пальцы, направляющие ткань.

– Не задерживайся, Вера, – сказала мать, не оборачиваясь. – Завтра уже в гимназию, а ты еще не собралась.

– Хорошо, мама, – ответила Вера. – Я быстро.

Она поправила перед зеркалом черный берет, который мать сшила из остатков старого пальто. Некоторые девочки в гимназии посмеивались, шепча за спиной, что она рядится в наряд бедной художницы, но берет хотя бы грел голову и не слетал на ветру, как их шляпки. К тому же он ей шел – мама и подруги твердили это постоянно.

Вера застегнула пальто цвета жженой охры и поправила кроличий воротник, уже не такой пушистый, как раньше. Черные волосы она быстро, не глядя, заплела в две длинные косы. Варвара Костромина, первая богачка класса, однажды сказала: «У тебя кудри сами вьются, а мне приходится обжигаться щипцами». Вера тогда лишь пожала плечами.

Она перекинула косы за спину и взяла с комода связку книг, туго стянутую кожаным ремешком. В ней лежали две книги – «Отцы и дети» Тургенева и томик стихов Фета. Вышла в коридор.

У темного зева лестницы, на вбитом в стену железном кольце, тускло чадила коридорная керосиновая лампа с прикрученным фитилем. Старые рассохшиеся ступени скрипели под ногами. Она старалась не вести ладонью по перилам – лак давно потрескался, и из древесины торчали щепки.

Вера толкнула тяжелую дверь и вышла в морозные сумерки. В чернильно-синем небе тонули контуры домов. Фонарщик только что зажег газовые фонари – они горели ярким желтым светом, а в теплом ореоле вокруг стекол кружились крупные хлопья снега.

У условленного места ее уже ждали подруги: Надя – коренастая, румяная от мороза, в коричневом ватном пальто и пуховой шали, и Лиза – высокая, немного сутулившаяся, в черном пальто-сак и круглой вязаной шапочке. Девочки двинулись вверх по Волхонке до Моховой, где вдалеке, на холме, светились теплым оранжевым светом окна библиотеки Румянцевского музея.

Снег скрипел под ботинками, пахло свежестью, печным дымом и немного копотью от фонарных столбов. Мимо с визгом проносились сани с металлическими подрезами. Дворник на углу ритмично скреб лопатой снег.

– Помните, что Карловна велела выучить все фигуры мазурки? – напомнила Надя, похлопывая варежками. – Говорила, что если не выучим, то останемся после занятий. Я лучше перечитаю «Отцов и детей», чем буду зубрить эти па.

– Да уж, – отозвалась Лиза. – В прошлый раз я так запуталась в этих фигурах, что чуть не упала. А Костромина фыркала, будто сама с балов не вылезает.

Они помолчали, слушая, как снег хрустит под ногами.

– А я сочинение по Базарову так и не дописала, – сказала Надя. – Марипална велела написать про душевные качества «нового человека» в образе Базарова. Как будто живого человека можно разобрать по пунктам.

– Не мудри, – ответила Лиза. – Пиши как принято: Базаров – крайний материалист, чуждый поэзии и авторитетов, а нигилизм у него ошибка молодости, которую жизнь поправила. Пална от такого в восторге. Вера, ты как написала?

Вера перевела взгляд от белого силуэта Пашкова дома, выступавшего из сумерек, и посмотрела на подругу.

– Я написала, что трагедия Базарова в его честности, – ровно ответила она. – Он не может соврать себе, даже когда его теория трещит по швам. Остальные видят в нем отрицателя, а мне кажется, он единственный, кто проверяет все на себе.

Надя фыркнула.

– Вот выдумала! Марипална же сразу придерется, мол, в чем честность? Напиши, как Лиза говорит, а то поставит двойку и велит переписать.

– Не поставит, – спокойно сказала Вера. – Я обосновала это тремя цитатами. Против текста она не пойдет и ниже четверки поставить не сможет.

Они поднялись по обледенелым широким ступеням к дверям Румянцевского музея, толкнули тяжелую дубовую створку и вошли. Надя и Лиза остались ждать Веру в вестибюле, у вешалок, а сама она, сдав пальто, поднялась по каменной лестнице в аванзал.

Здесь пахло старой бумагой, кожаными переплетами, чернилами и паркетной мастикой. Под высокими лепными потолками тускло горели массивные бронзовые люстры с электрическими лампами. За конторкой выдачи сидела библиотекарь Анна Семеновна. За ее спиной высились уходящие под потолок ясеневые шкафы, под завязку забитые книгами, а на дубовом барьере перед ней стояла тяжелая настольная лампа под стеклянным зеленым абажуром.

Вера выложила на барьер прочитанные тома, а взамен протянула заполненный листок требований на новые книги: «Записки охотника», «Таинственный остров», «Семейное счастие».

Анна Семеновна, в своем глухом темном платье с черными сатиновыми нарукавниками, подняла седеющую голову с тугим узлом волос на макушке. Надела очки, висящие на цепочке. Привычным движением перелистала сданные книги – проверила, нет ли загнутых страниц или чернильных пятен. Потом взяла листок.

– «Таинственный остров» Жюля Верна, – медленно произнесла она. – Для выпускницы… Странный выбор. «Семейное счастие» графа Толстого… – она посмотрела на Веру поверх овальных очков. – В ваши юные годы лучше читать о более легких чувствах. Граф пишет о вещах… тяжелых.

Вера промолчала. В тишине аванзала заскрипело стальное перо – Анна Семеновна заполняла формуляр. Она прижала записи промокашкой и пододвинула Вере новые книги. Та сложила тома в ровную стопку, стянула крест-накрест задубевшими от мороза кожаными ремнями и туго затянула пряжку. Подхватила связку за узкую ручку и спустилась в вестибюль.

Сумерки сгустились сильнее. Девочки свернули на заснеженную Моховую, где фонари горели чаще. Прошли мимо желтоватого здания Манежа и университета со светящимися окнами аудиторий. У чугунной решетки курили и громко разговаривали студенты в расстегнутых темно-зеленых пальто и фуражках в тон с синими кантами. У ворот дежурил постовой в песочном башлыке и черной шинели с замерзшей латунной бляхой на груди и тонкой шашкой на поясном ремне. Мимо неслись сани «лихачей», из-под копыт летели комья серого снега. Мороз окончательно пробрал их сквозь пальто, и девочки распрощались.

Вера решила пойти через Малый Знаменский. Это был тихий, узкий и извилистый переулок между высокими заборами усадеб и глухими кирпичными стенами. Вдоль тротуаров тускло светили редкие низкие газовые фонари; их рассеянный подрагивающий свет за закопченными стеклами падал желтыми полосами на искрящийся наст. На нем двигались тени от заборов. Скрип подошв ботинок казался неестественно громким.

Вскоре впереди показались три мужские фигуры. Поначалу они казались сплошным широким темным силуэтом, но когда на них упал свет от ближайшего фонаря, Вера узнала гимназистов. Они шли шеренгой, занимая весь проход, и о чем-то громко переговаривались. На них были серые суконные шинели, расстегнутые до пояса, так что были видны темно-синие мундиры, светло-синие фуражки со снятыми с гербов металлическими литерами гимназии. Лиц из-под козырьков еще не было видно, но по размашистой походке Вера сразу узнала старшеклассников.

Она замерла на мгновение. Позади осталась освещенная Знаменка – можно было повернуть назад, под защиту гудящей многолюдной улицы и яркого света и сделать крюк по Волхонке. Сердце забилось чаще, ладони в вязаных перчатках стали влажными. Вера крепче сжала в пальцах связку книг и пошла дальше, надеясь проскочить мимо незамеченной.

Когда между ними осталась пара шагов, тот, что шел с краю – пониже ростом, с рыжими волосами под фуражкой, с резкими чертами лица, вдруг уставился на нее в упор. Он вытянул губы и издал резкий каркающий звук.

Вера от неожиданности отшатнулась. Каблук зацепился за край тротуара, и она, потеряв равновесие, начала падать. Первая мысль была: «Книги!» Она успела крепче прижать связку к груди и упала ничком прямо в колючий снег. Жесткие углы переплетов до боли вдавились в ребра. Снег обжег лицо, попал за шиворот.

Сверху раздался смех.

– Да это ж Белоснежка! Прямо из сказки!

– Только принца не хватает!

Вера подняла голову. Берет сбился набок, косы были в снегу. Она чувствовала, как холодная жижа затекает за воротник. Кровь хлынула к лицу. В горле встал сухой спазм, и она не могла сделать вдох. Смех казался оглушительным.

Один из гимназистов – самый высокий из троицы, с каштановыми волосами, – вдруг молча шагнул к ней. Его лицо было серьезным. Он протянул широкую, длиннопалую ладонь в черной кожаной перчатке.

Вера не протянула руку. Тело рванулось вверх само. Она оттолкнула от себя нависающую ладонь, рывком вскочила на ноги, перехватила кожаный ремень покрепче и наотмашь, снизу вверх, замахнулась тяжелой связкой. Жесткий угол «Записок охотника» угодил ему прямо по скуле с глухим костяным стуком.

Смех оборвался. Высокий отшатнулся, прижав ладонь к лицу. В его взгляде мелькнуло удивление. Рыжий и третий, блондин, остолбенели.

– Ты с ума сошла? – закричал рыжий. Его голос звучал растерянно.

Вера схватила связку и бросилась бежать. Неслась так, как мальчишки бегут от сторожа. Мокрый длинный подол путался в ногах, нижняя сорочка взмокла и прилипла к спине под платьем. Горло обжигало холодом. Она выскочила на Волхонку и только там замедлила шаг. Зубы стучали как от холода.

Вера быстрым шагом дошла до родного переулка. Остановилась у заколоченного колодезного сруба и слегка оперлась на него бедром, чтобы устоять на ногах. Колени дрожали, спину под влажной сорочкой бил озноб. Она попыталась поправить берет деревянными пальцами. Кое-как смахнула застрявший в косах снег и несколько раз быстро встряхнула кистями. Подошла ко входу и опустила латунную ручку массивной дубовой двери, которая захлопнулась за ней с грохотом. Поднялась по скрипучей крутой деревянной лестнице.

Дом был старым купеческим особняком, перестроенным под доходный дом. Анфиладу первого этажа и мезонин второго просто разгородили дощатыми перегородками и сдавали внаем разным людям. Здесь жили несколько человек – квартирная вдова-хозяйка с сыном-студентом, горничная хозяйки, они с матерью, семья пожилого служащего, вдова аптекаря,

учитель гимназии. Они с матерью занимали две комнаты еще со времен отца, и хозяйка с тех самых пор держала цену для них пониже.

На втором этаже тянулся узкий коридор с рядом крашеных сосновых дверей. Из-за них доносились обычные домашние звуки: кашель, разговоры, звон ложки о стакан. За последней дверью, где жили они с мамой, играл граммофон.

В комнате пахло керосиновым нагаром, пылью от ткани и теплом. Лидия Григорьевна подняла голову от машинки и потерла пальцами переносицу. Вера повесила пальто на крючок вешалки-стойки, надела стоптанные домашние туфли и прошла в комнату.

– Ну что? – спросила мать, снова опуская взгляд на лапку машинки и аккуратно расправляя пальцами складку ткани под иглой. – Какие книжки взяла?

– Верна, – тихо ответила Вера. – И Толстого. «Семейное счастие».

Мать снова посмотрела на нее.

– «Семейное счастие»? – переспросила она. – Ты уже до этого дошла?

Помолчала. Добавила тише:

– Ну… хоть не Желиховская.

Лидия Григорьевна крутанула маховое колесо, и игла снова застрекотала.

– Ужин на комоде под салфеткой, – сказала она не оборачиваясь. – Остыл уже. Забери к себе, разогрей на керосинке.

Вера прошла в свою отдельную маленькую комнатку, отделенную тонкой дверью от маминой. Зажгла керосиновую лампу с белым абажуром. Свет выхватил узкую железную кровать, стол со стулом у окна, платяной шкаф и умывальный комод.

Она быстро умылась холодной водой, переоделась в домашнее платье. Разогрела и съела суп – механически, глядя в одну точку и почти не пережевывая. Потом села за стол и открыла личный дневник – толстую тетрадь в линейку, перевязанную розовой лентой.

Вера обмакнула перо и занесла его над страницей. Пальцы мелко дрожали. Стыд волнами заливал шею. Писать было нечего. Точнее, произошедшее просто не укладывалось в строчки тетради. Она молча смотрела, как засыхает капля на конце стального острия.

Она долго и жестко чистила зубы мятным порошком из жестяной коробочки, слушая, как скрипит щетина. Расчесала длинные волосы, разделась, задула лампу и легла поверх одеяла.

Долго лежала так, глядя на гипсового ангела с отколотым кончиком крыла в лепнине над дверью. В детстве она подолгу шепталась с ним, рассказывая ему разные истории, и гипсовое крылатое существо казалось ей живым и понимающим. Но сейчас, в тусклом отсвете от уличного фонаря, ангел стал просто бездушным холодным рельефом.

Внутри было странное ощущение. Будто прежний порядок разом переломился. Она уже не помнила лица того высокого – лишь его растерянный взгляд из-под козырька фуражки да широкую ладонь, которую он к ней протягивал. Зачем он шагнул вперед? Он хотел помочь ей подняться?

Вера натянула одеяло до подбородка и отвернулась к стене. Закрыла глаза, но взгляд из-под козырька не исчез. Он просто оставался в темноте.

Тонкий лед

В переулке стало так тихо, что было слышно, как на Знаменке цокают копыта и скрипят металлические полозья саней. Илья держал ладонь у лица. Щека онемела и стала деревянной, словно дантист прыснул на нее хлорэтилом для заморозки. Глаз заслезился на морозе, и непроизвольная слеза мгновенно замерзла, не успев стечь по щеке. Он смотрел на товарищей: их растерянные лица плыли.

– Ну и… – произнес наконец Сергей, светловолосый. – Не ожидал от пречистенской девицы. – Он машинально поправил сползшую фуражку.

– Она сумасшедшая? – возмутился рыжий Митька. – С книгами по морде. Так и убить можно.

Илья промолчал, убрав руку от щеки. Он все еще ощущал движение своей руки – как когда-то в Егорьевске, когда сын дворника, маленький Петька, упал с крыльца, и он поднял его, не раздумывая. Там, в родном городе, если человек падал – ему подавали руку. В Москве у каждого движения было значение, которого Илья не знал.

Он чувствовал себя… странно. Три года в Москве научили его главному: здешний мир устроен сложно, но предсказуемо. Достаточно было знать писаные и неписаные законы, чтобы оставаться в безопасности. Но эта девчонка не укладывалась ни в какие рамки.

Илья держался за заученный порядок, осознавая, насколько непрочно его положение. Все началось три года назад, еще в Егорьевске, после внезапной смерти отца. Купцы Петуховы, чьи текстильные склады покойный отец вел без малого двадцать лет, решили вложиться в будущее сироты. Они отправили Илью в Москву и оплачивали его обучение, приговаривая благодушно: «Мы верим, что мальчик оправдает доверие». Мать, оставшаяся у них экономкой, тогда твердила сквозь слезы: «Повезло нам, Илюша». А он понимал, что «повезло» – это условие. Удачу могут и забрать назад, если окажешься неудобным или не оправдаешь ожиданий. Поэтому он учился так, словно от каждого его ответа у доски зависела вся его жизнь, и контролировал каждый свой шаг, жест и слово, чтобы не выбиваться из чужого порядка.

– Приложи снег и держи подольше, – сказал Сергей, кивая на сугроб. – А то в гимназии решат, что ты дрался. А ты же не дрался. Тебя ударили. Это, брат, совсем иной расклад.

Илья кивнул, зачерпывая снег ладонью. Драка – это взаимность. А тут все произошло без его участия.

Жизнь в мужской гимназии регламентировалась негласным уставом. Могли толкнуть плечом в коридоре, перебить с ироничной улыбкой, но не дрались. Драка считалась признаком уличной шпаны, а не будущего инженера или чиновника. Даже Митька, чей отец служил в управе, позволял себе лишь насмешки. За драку исключали без разговоров – все слишком хорошо помнили, как всего два года назад инспектор перед всей гимназией срезал с мундира их одноклассника латунные пуговицы с орлами. Случись такое с ним – и вся эта его выученная московская жизнь, ради которой мать пошла в услужение к чужим людям, полетела бы в канаву.

С собой он привез обитый железом фанерный сундук, где на самом дне лежали оловянная ложка, жестяной стакан, мешочек с сушеной малиной и две пахнущие чердачным теплом рубахи. Новенькая гимназическая форма, купленная на купеческие деньги, уже была на нем: темно-синий мундир и такие же брюки, светло-синяя фуражка с тремя белыми кантами и блестящей латунной арматурой *«М.1.Г.»* в обрамлении лавровых ветвей и кожаный ремень с тяжелой латунной бляхой, на которой были выбиты литеры. Мать тогда подшила сукно, оставив складки на вырост.

Вместе с сундуком он привез правила егорьевского училища: дают – бери быстрее, не знаешь – помалкивай, бьют – терпи и не жалуйся. Но здешний мир оказался устроен куда тоньше. Тут не били рукой – просто выставляли за рамки невидимого круга без единого слова.

Первые месяцы он все время ходил по границе. Он до сих пор помнил, как поблагодарил учителя за двойку – и тот усмехнулся: «Вы издеваетесь, господин Арсеньев?» А как-то обратился к однокласснику Паше Савицкому на «вы» – и тот фыркнул: «Мы же не в театре, а ты не лакей, который подает пальто».

Илья не обижался, просто молча наблюдал и запоминал чужие повадки, как учил латинские склонения. Понял, что наклон головы Леши Олсуфьева – не настоящий поклон, а жест признания статуса. Что «простите» Сергея Аросимова – не искреннее раскаяние, а светский ритуал. Он выучил местные негласные правила как иностранный язык: вроде говорил правильно, но с акцентом, который другие, может, и не слышали, но сам он слышал его всегда.

Юноши разошлись у Пречистенских ворот. Сергей свернул вправо – там была колониальная лавка его отца. Митька зашагал вниз по Остоженке, мимо новых домов, пахнущих мокрой штукатуркой. А Илья направился в сторону Гагаринского переулка, где снимал комнату у учительницы словесности в женской гимназии.

Он поднялся по лестнице на второй этаж, толкнул тяжелую дверь и прошел в конец коридора. В каморке было тепло – горничная хозяйки успела затопить голландку, и пахло печным березовым дымом и нагретой глиной. Комнатка была маленькая – четыре шага в длину, три в ширину. У стены стояла узкая кровать, над ней – книжные полки. Учебник Гано по физике, библиотечный Брем, «Рефлексы головного мозга» Сеченова, «Жизнь растения» Тимирязева. И художественные книги – Толстой, Достоевский, Тургенев и Лесков. У окна стоял стол со стопкой тетрадей, рядом стул с высокой спинкой, в углу – умывальник на треноге.

Илья снял шинель и повесил на крючок вешалки-стойки у двери. Он купил ее в прошлом году на Сухаревке, взамен первой, из которой вырос. Сукно на локтях и воротнике уже слегка лоснилось, но в плечах шинель наконец села плотно, без единой складки. Если не вытянется еще за оставшиеся полтора года – доносит до выпуска.

Он плеснул на лицо холодной водой из кувшина. Щека отозвалась тупой болью. Илья посмотрел в маленькое зеркало над полочкой с зубным порошком: синяка еще не было, кожа слегка покраснела и едва заметно припухла. Он пригладил мокрые виски, поправил стоячий воротник мундира и прошел в небольшую столовую.

Анна Васильевна – прямая, сухая, с гладко зачесанными седыми волосами – уже разливала жидкие щи из супницы. За длинным столом, покрытым клеенкой с аляповатыми розами, сидели двое гимназистов: Гриша, сын сенатского чиновника, и Петя, чья мать шила платья на заказ. На середине стола стояло блюдо с ломтями черного хлеба.

Хозяйка налила суп сперва Грише, потом Пете, и под конец – Илье. Так повелось с самого начала. Он не смотрел в чужие тарелки. Взял ложку и принялся за еду, пока над тарелкой еще клубился пар.

За столом заговорили о дачах. Гриша рассказывал, как они собирали летом ягоды – сладко-кислые и с хвойным привкусом. Илья вспомнил гравюру и описание брусники из ботанического атласа. Он мог бы назвать ягоду прямо, но промолчал. В этом доме не болтали попусту. Да и не стоило привлекать внимание к своему лицу. Он осторожно жевал здоровой стороной, но левая жевательная мышца симметрично сокращалась, отдавая тупой болью в висок.

После ужина он помог отнести посуду – он всегда так делал, и Анна Васильевна принимала это как должное.

Вернувшись в свою каморку, Илья привычным движением потянул вверх ламповое стекло. Крутанул фитиль и чиркнул спичкой. Вернул стекло на место, убавил пламя и сел за стол. Открыл тетрадь по латыни.

Латинские слова речи Цицерона против Катилины плясали перед глазами бессмысленным нагромождением букв. На сероватой бумаге между строчек проступало ее лицо.

Гимназисток он видел повсюду – на благотворительных вечерах, в читальне, на бульваре. Все они казались похожими: тихие, избегающие взгляда, прячущие руки в муфты и даже говорящие одними и теми же словами. Именно таких искали бы Паша или Гриша – чтобы гулять вместе по Пречистенскому бульвару и заводить понятные всем окружающим романы. Эта девчонка была другой.

Илья коснулся щеки пальцами. Кожа казалась чужой, толстой. Из глубины шло пульсирующее тепло.

Он закрыл тетрадь и задул фитиль, пустивший в потолок тонкую струйку дыма. Лег на кровать поверх тонкого одеяла, закинув руки за голову. На потолке в полумраке белела старая трещина, похожая на изгиб Цны.

Сам собой вспомнился один вечер: осень, женская гимназия Алферовой на Пречистенке. Его туда отправили в числе избранных воспитанников – рослый, хорошо сложенный, а главное – надежный, такой, что точно не опозорит родную Первую гимназию перед чужим заведением. Он случайно подслушал, как учитель переговаривался с инспектором: «Арсеньев не подведет. Не обольется лимонадом, не скажет глупостей, если что – донесет до кареты».

Он танцевал вальс с гимназисткой в белом платье. Та говорила заученные светские комплименты: «Вы так уверенно ведете!» А Илья просто вызубрил механику движений на обязательных уроках танцев, как учил латынь. Ее лицо стерлось из памяти в тот же вечер.

А эта – запомнилась.

Его протянутую руку она, скорее всего, приняла за насмешку. Но важнее было другое – она не стала играть по правилам, которые он учил эти годы. Она просто ударила. И все вокруг дало сбой.

Илья припомнил: кажется, он уже видел ее как-то. В читальне Румянцевского музея. Она тогда сидела за столом у окна, уткнувшись в толстый том, пока ее подруги хихикали и переговаривались. Он тогда подумал: странная, слишком серьезная для их компании.

Он долго не мог уснуть. Слушал, как за окном стучит колотушка ночного сторожа, как лает собака. Потом, когда все стихло, пришла странная мысль. Что, если все правила и негласные уставы – это лишь тонкий слой льда? Сверху все прочно, а под ним – глубокая вода.

Илья оборвал эту мысль. Пусть философствуют те, у кого есть на это лишнее время. А у него в расписании на завтра значились шесть уроков в гимназии, а сразу после – два часа репетиторства с отстающим пятиклассником за пятьдесят копеек в час. Нужно было учиться, не иметь замечаний от инспектора и беречь мундир.

Он закрыл глаза. За веками вместо темноты проступила картинка: черные косы на фоне белого снега.

Перемирие

Учебные дни возобновились и потекли привычным чередом: дребезжащий звонок, скрип мела по грифельной доске, железный запах чернил на пальцах. И неизменное замечание классной дамы Марии Павловны: «Госпожа Лагодина, ваши волосы – не цыганский хоровод! Уберите их!»

Вера заплетала волосы так туго, что кожа на висках натягивалась. Но тяжелые волнистые волосы не хотели поддаваться уставу. Как бы она их ни убирала, у затылка и на висках все равно выбивались торчащие прядки. Вера заправляла их за уши, лишь бы не слышать этот скрипучий голос.

То, что случилось недавно в переулке, осело внутри, как мелкий камешек в ботинке. Иногда, на скучном уроке, когда задание уже было выполнено, Вера ловила себя на том, что вспоминает тот удар, стук книги о чужую скулу, и морщилась.

Малый Знаменский переулок она теперь обходила кружным путем. Шла из гимназии или из библиотеки по Волхонке, вдоль белой громады Храма Христа Спасителя. Его золотой купол тускло блестел в сумерках. Когда Вера проходила мимо, там обычно как раз заканчивалась служба, и из дверей храма выходила чинная толпа богомольцев, мешаясь с пестрым уличным людом. Площадь гудела. Электрические фонари на высоких столбах горели слепящим мертвенно-белым светом. Извозчики наперебой надрывали глотку: «Пожалуйте, барыня! Домчим с ветерком куда изволите!» Мимо торопились кухарки с корзинками, группы студентов в темно-зеленых пальто с зажженными папиросами в углах рта. Чиновники в ведомственных шинелях, держа портфели под мышкой, пробирались сквозь толпу. Тут же с визгом катались по ледяному насту младшие гимназисты. От Москвы-реки тянуло резким ветром, который разносил далеко запахи конского пота, дегтя и кожаной сбруи.

Вера сворачивала на Остоженку, где старые усадьбы соседствовали с новыми доходными домами. Наст блестел, как стекло, а под ботинками скрипел песок. Светили привычные желтые газовые фонари, пахло свежевыпеченным хлебом из булочной и кислым духом селедочного рассола от хлопающих дверей бакалейной лавки.

Она сворачивала в родной 2-й Ильинский переулок, и шум Остоженки мгновенно отрезало. Чистый снег хрустел под шагами. По краям протоптанной тропинки высились пышные белые сугробы. Пахло печным дымом и замерзшим деревом от дровяных сараев. Из подвального окошка выглядывал дворовой рыжий кот, и Вера кивала ему, как старому знакомому.

Дорога удлинялась ненамного, минут на десять, так что мама ничего не замечала. Но дело было не в этих минутах. В тихом Малом Знаменском хорошо думалось, а на шумной, толкающейся, запруженной людьми и лошадьми Волхонке уйти в мысли не получалось. Каждый вечер Вера шла за широкими спинами прохожих и чувствовала себя так, словно ее вытеснили с места, на которое она имела полное право.

В один из дней у храма навстречу ей шли двое высоких старшеклассников в серых шинелях. Она не успела разглядеть лиц. И, не успев подумать, перешла на другую сторону улицы прямо перед носом запряженной в сани лошади.

– Куда под копыта, дура! – донесся сердитый окрик извозчика.

На другой стороне она остановилась. Те двое прошли дальше, один что-то сказал другому, и оба рассмеялись. На нее никто не смотрел. Вера стояла у гранитной тумбы и чувствовала, как сердце бьется в самом горле. К лицу прилил жар. Взрослая девушка, гимназистка выпускного класса, кинулась на другую сторону улицы и едва не попала под лошадь. Из-за двух чужих мальчишек, которые ее даже не заметили. Она одернула пальто и пошла дальше ровным шагом.

Еще через неделю, идя из библиотеки с очередным томом, Вера остановилась на углу Знаменки. Она почувствовала, как напряглись пальцы на ручке книжной связки. Она заставила себя расслабить их и свернула в переулок.

Там было тихо; снег, счищенный усадебными дворниками, лежал вдоль мостовой бугристыми сероватыми валами. Редкие газовые фонари бросали на снег желтоватые пятна. Снег поскрипывал под ногами. Навстречу шла пожилая женщина в громоздкой, до пят, шубе, и Вера прижалась спиной к холодному забору, чтобы разойтись.

Старуха прошла, обдав ее запахом нафталина и мокрой псины; скрип ее шагов заглох. Вера шла дальше, глядя под ноги на коварные бугристые наледи от водосточных труб. Она дошла до очередного фонаря, зачем-то подняла голову и замерла.

Это был он. Она не помнила его лица, но узнала мгновенно. Дыхание перехватило, словно она снова упала лицом в сугроб. А он как будто сперва подумал, что обознался, и только потом шагнул навстречу.

Она невольно запрокинула голову, чтобы разглядеть его лицо. Он был выше любого знакомого ей мальчика. Она знала, что не удалась ростом, – Лидия Григорьевна, перешивая подол своих платьев на Веру, грустно шутила, что та осталась «маленькой», – но никогда прежде она не ощущала так остро свою миниатюрность.

Он снял фуражку и держал ее в руке. На его левой скуле, чуть ниже глаза, расплылось желто-зеленое пятно. Она скользнула по нему взглядом и тут же отвела глаза.

Выхода не было. Она крепче сжала пальцами связку и не двигалась с места.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Это вы, – выдавила она.

– Да.

Наступила долгая пауза. Он смотрел не на нее, а куда-то на ее берет.

– Вы сами виноваты, – наконец сказала она.

– Я не спорю, – спокойно произнес он.

Вере вдруг стало неловко, словно она ударила его во второй раз. Она подняла взгляд выше и посмотрела ему прямо в глаза. Они были серыми и смотрели на нее спокойно и как-то… изучающе. Она не выдержала и отвела взгляд первой.

– Не водитесь с кем попало, – продолжила она жестче, чем хотела. – Компания определяет человека.

Он промолчал. В этой тишине было слышно, как из-за окна второго этажа доносилась монотонная гамма – кто-то прилежно терзал фортепиано.

– Тот, кто закричал, – Митя Ветров, – сказал он. – У него потребность… быть первым в глупости. А второй – Сергей Аросимов. Мы не дружим, просто нам по пути.

Вера молчала.

– Мы не хотели вас задевать, – добавил он. – Просто вы так упали, косы в снегу. Сергей ляпнул про Белоснежку… Глупо вышло.

– Глупо? – спросила Вера, стараясь, чтобы звучало язвительнее. – Я бы сказала иначе.

– Можете сказать как есть, – ответил он, глядя ей в глаза.

– Зачем вы подошли? – спросила она. – Когда я упала.

– Вы упали, – коротко ответил он.

Наступила пауза. За высокими воротами усадьбы за их спинами вдруг глухо застучали по деревянному настилу подкованные шипами копыта. Глухо грохнули упавшие оглобли и сразу с противным скрежетом пополз из скоб железный засов. Шумно фыркнула лошадь, и промерзшие створки, затрещав петлями, стали раскрываться внутрь двора.

Они одновременно обернулись на этот шум и, словно очнувшись, шагнули вперед, прочь от раскрывшегося проема.

– Меня зовут Илья, – сказал он. – Илья Арсеньев. Седьмой класс, Первая мужская гимназия.

– Вера Лагодина, – ответила она. – Седьмой класс. Четвертая женская.

Ей вдруг стало смешно. Будто они на благотворительном вечере, а не в переулке, где она ему несколькими днями ранее заехала по лицу. Она отвернулась и стала разглядывать проезжающие мимо них сани. Это был тот самый усадебный выезд, что только что шумел за забором. На лакированных черных бортах отразился свет газового рожка. На высоких козлах сидел кучер, а на низком сиденье Вера успела заметить грузного мужчину, укутанного по самую грудь в тяжелую медвежью полость, которая почти касалась снежного наста. На задке саней блеснул позолоченный герб. Сани пронеслись мимо почти бесшумно, только на повороте пронзительно заскребли по льду стальные подрезы полозьев.

– Вы тогда шли со связкой книг, – вдруг произнес Илья. – «Записки охотника» были сверху. Видел обложку.

– Вы запомнили? – удивилась Вера.

– Я осенью этот том месяц ждал. Каждую неделю заходил в библиотеку – очередь не доходила. В конце концов купил у букиниста.

– А что вы еще читаете? – спросила Вера раньше, чем успела подумать.

– Лескова, Достоевского. Дюма.

– «Трех мушкетеров»?

– Да. А «Графа Монте-Кристо» взял почитать у Сергея.

– Я его прочла в прошлом году, – сказала Вера. – Теперь вот Конан Дойля взяла. «Знак четырех».

– У нас в гимназии с такой книжкой лучше не попадаться, – заметил Илья. – Инспектор мигом отберет. Считает подобные книги пустым чтением.

– Какие вам предметы нравятся? – спросила Вера.

– Физика. Естествознание еще люблю читать, хоть отдельного предмета у нас уже нет. А вам?

– История. И словесность. Французский еще нравится, но так... просто идет легко, без усилий.

– У нас – наоборот, – Илья чуть усмехнулся. – Латынь и древнегреческий идут почти каждый день, а современные языки занимают куда меньше места в расписании. Но без латыни в университет не поступить. Особенно если на медицинский метить.

– Вы на медицинский хотите?

– Думаю. Или в Высшее техническое.

– А у нас, говорят, женские курсы Герье снова открылись, – произнесла Вера.

– Слышал, – кивнул он.

– Мама говорит: «Сначала гимназию окончи. А там видно будет».

Вера понимала расчет, который стоял за этим туманным «видно будет». Плата за год – пятьдесят рублей, конкурс – несколько девушек на место, и все вокруг говорили, что высшее образование девице ни к чему.

Илья промолчал.

Разговаривая, они обошли строительные леса Музея изящных искусств, укрытые на зиму рогожей, и дошли до выхода из переулка.

На Волхонке сразу стало холоднее, налетевший ветер затрепал полы пальто. Они продолжали говорить, делясь разными школьными случаями. Вера вспомнила, как классная дама рассмотрела рисовую пудру на лице одной гимназистки и заставила утереться своим мокрым платком прямо у доски. Илья в ответ припомнил случай, когда Митьку заставили переписывать псалмы целый час за двойку по Закону Божию.

Когда он говорил, то слегка наклонял голову набок. Вера же, рассказывая про Лизу с пудрой, отступила на шаг к краю тротуара – просто чтобы не задирать подбородок. Смотреть на него снизу вверх было неудобно.

Они вышли к Пречистенским воротам. Тут их пути расходились.

– Мне налево, – сказала Вера, указывая подбородком в сторону Остоженки.

– А мне – направо, – отозвался Илья.

Он помедлил, пропуская ее вперед. Может, из вежливости, а может, просто понимал, что его шаг шире и он все равно нагонит ее на повороте.

– Ну… прощайте.

– Прощайте.

Вера шла, стараясь ступать по скользкому насту ровно. «Он не злится. Он даже не спорил. Значит, я не совершила ничего плохого». Та дикая стычка закончилась так просто. И от этого было и странно, и легко. И теперь она знает его имя. Она почувствовала, как уши порозовели.

Дома Вера застала мать за работой – та протирала смоченной в скипидаре фланелью их старую шкатулку. Под тряпочкой проступал ореховый отлив.

– Явилась, путешественница. А я уж думала, что ты до ночи в библиотеке застрянешь. Ужинай, на столе все, полотенцем накрыто.

Вера кивнула, вешая на крючок пальто. Она отметила мимоходом: мать сегодня в своем любимом светло-зеленом платье из тонкой шерсти. Раз надела его, а не рабочее темное фланелевое, значит, день выдался полегче.

– Как дела в гимназии? – спросила мать, продолжая протирать дерево. – Мадемуазель Дюпон не донимала?

– Французский диктант писали. Все хорошо.

Вечером Вера села за стол и открыла дневник. Обмакнула перо в чернильницу, сняла каплю о горлышко и стала писать:

«18 января. Словесница задала выучить наизусть спор Базарова и Павла Петровича. Надя не выучила и плакала в уборной. Мама купила новые шерстяные перчатки. В библиотеке наконец освободился “Знак четырех”. Переулок больше не страшен. Пройден».

Она поставила точку, промокнула страницу и закрыла тетрадь. День оказался длиннее записи.

Бублики и Чернышевский

В воскресенье Вера вышла из дома позже, чем собиралась. Мама ушла давно: с гвоздя пропал замшевый мешочек с туфлями. Заказы на частные уроки выпадали редко. Маму звали в купеческие дома на пару недель, чтобы спешно натаскать дочку перед первым выходом в свет: правильно приседать в глубоком реверансе, держать спину и изящно садиться на канапе, не сминая юбку. В остальные дни кормила швейная машинка.

Сама мама по библиотекам не ходила – некогда, после урока ее ждал очередной заказ. Так что Вера сама сдавала прочитанное и выбирала новые книги для себя и матери. Обычно мамин том заранее лежал на комоде, но сегодня его там не оказалось. Вера вспомнила о нем уже у самого крыльца. Пришлось возвращаться, подниматься по лестнице и выискивать сборник рассказов Чехова на рабочем столе, заваленном выкройками и обрезками сукна. На это ушло несколько минут, и теперь она шла быстрым шагом, но не бежала.

Воздух стоял неподвижный, морозный. Кусты в палисадниках гнулись от тяжести пухлых снежных шапок. Сугробы доходили до уровня окон первых этажей.

Вера вышла на широкую Волхонку. Посередине блестела накатанная мостовая, желтовато-серая от въевшейся грязи. Вдоль тротуара высились сгребенные дворниками твердые валы снега, покрытые сажей от труб. Под ногами скрипел песок. Из-за высоких заборов нависали заснеженные ветви старых лип и тополей – от каждого порыва ветра с них срывалась мелкая искристая снежная пыль.

Дойдя до поворота, Вера уверенно свернула в Малый Знаменский переулок. Справа, закрывая всю угловую часть, высились леса будущего музея, а слева стоял промерзший деревянный уличный киоск. От него тянуло дымом и сдобой. Мария Павловна строго-настрого запрещала воспитанницам покупать что-то в уличных киосках под страхом выговора, но ее мало кто слушал. И сейчас у киоска отдельными группами стояли гимназисты и гимназистки. Мальчики в серых шинелях громко переговаривались и с хрустом откусывали горячие бублики, держа их голыми покрасневшими руками. Девичьи группы стояли чуть поодаль – они отламывали от своих бубликов маленькие кусочки и торопливо отправляли их в рот, тут же пряча пальцы в муфту.

Среди мальчиков она заметила Илью. Он стоял с тем самым светловолосым, что насмешливо кричал тогда про Белоснежку. Тот что-то рассказывал, жестикулируя, а Илья молча слушал. В руках у обоих было по бублику в обрывке газеты.

Вера хотела пройти мимо незамеченной. После недавнего перемирия сталкиваться вот так, на ходу, казалось неправильным. К тому же Илья был не один. Но когда она оказалась за их спинами, блондин, словно уловив ее приближение, вдруг резко обернулся.

– Здравствуйте! – окликнул он. – Постойте-ка... Вы ведь та самая барышня с книгами?

Вера остановилась. Делать вид, что не услышала, теперь было бы нелепым.

– Да.

– А мы тут согреваемся, – просто сказал он. – Позвольте угостить? В этом киоске – лучшие бублики от Пречистенки до Арбата. Прямо из печи.

Он держался непринужденно, словно того случая не было. Он протянул ей сверток с легкой улыбкой – не извиняющейся, а той, что предлагает забыть. Ей стало немного не по себе, но бублик она все же приняла.

– Спасибо, – сказала Вера. Бублик приятно грел ладонь даже сквозь перчатку.

Илья молчал, держа свой бублик. Похоже было на то, что выходка товарища застала его врасплох – он быстро перевел взгляд с одноклассника на Веру, словно ждал, что она вот-вот развернется и уйдет. Но когда она взяла угощение, в его взгляде на мгновение проступило что-то похожее на облегчение.

– Сергей Аросимов, можно просто Сережа, – представился блондин, слегка приподняв фуражку, которая была сдвинута набок так, что чудом удерживалась на голове. – Седьмой класс, Первая мужская.

– Вера Лагодина, – ровно ответила она. – Седьмой, Четвертая женская гимназия.

– Вера Павловна? – спросил он, чуть прищурившись. В голосе прозвучала насмешка.

Она не хотела ему подыгрывать.

– Петровна, – спокойно поправила Вера.

– Еще лучше, – широко улыбнулся ей Сергей. – Значит, вы – настоящая. Не книжная.

Они обошли музей и направились вверх в сторону Знаменки. Сергей жестом пропустил ее вперед, но тут же поравнялся с ней и возглавил процессию. Так получилось, что он шел посередине, а Вера и Илья – по бокам. Юноши шагали широко, и Вере приходилось ускоряться, чтобы не отставать.

Бублик слегка пах сухим печным дымом. За хрустящей корочкой прятался сладковатый мякиш. Вера кусала осторожно, следя, чтобы мак не сыпался на пальто. Напряжение в плечах постепенно уходило.

На ходу Сергей бесцеремонно склонил голову в сторону ее связки, пытаясь разобрать название на верхней обложке. Сверху лежал толстый серый том Виппера по древней истории.

– Вера, ну нельзя же так, – хмыкнул он. – Выходной день, а вы учебники читаете. Вы лучше попросите в библиотеке… не знаю, Дойля хотя бы.

– Вообще-то, Конан Дойль у меня как раз внизу под историей лежит, – улыбнулась Вера. – А вы сами читали?

– А как же! Хотя Верн мне ближе, не обижайтесь, Вера Петровна. У Верна ведь что ни глава – то чистая наука: и про устройство земной коры узнаешь, и про доисторических животных, и как давление по барометру высчитать. А Дойль ваш только пугает. Вы читали «Путешествие к центру Земли»? Помните, как во время погони на плоту в подземном море из воды вдруг вылетел мегалозавр? По-моему, делать науку настолько захватывающим зрелищем – это великое мастерство.

– Там, кажется, ихтиозавр с плезиозавром бились, – вдруг сказал Илья. – Но сама сцена и правда захватывающая.

– Вот! – Сергей поднял палец, ничуть не смутившись. – Значит, два романа Верна слились в моей голове в одно сплошное приключение. Все древние чудища в кучу, зато какой масштаб!

Вера едва не фыркнула. Они с Ильей встретились взглядами.

– А наш историк, – продолжал Сергей, – как-то заявил, что Верн вреден для воображения. Представляете?

– А наша классная дама считает, что «Анну Каренину» приличным барышням лучше не читать, – отозвалась Вера. – Мы ее в уборной читаем.

– Да вы бунтарки! – воскликнул Сергей, торопливо дожевывая бублик. – А вашей классной тогда и Пушкина надо под замок спрятать! Поэму «Цыганы» – первым делом. Там же про свободу, убийства, измены и, страшно сказать, любовь! Как вы только терпите в вашей Четвертой гимназии, вокруг ведь одни монастырские запреты!

Они дошли до Знаменки. Справа сквозь морозную дымку виднелся силуэт Пашкова дома с круглой вышкой-бельведером.

– Ну что ж, – Сергей слегка приподнял фуражку. – Дальше мы вам досаждать не смеем. А то госпожа библиотекарь увидит в окно – решит, что мы сбиваем вас с пути истинного вольнодумством и этими превосходными бубликами.

Илья покосился на Сергея. Тот поймал его взгляд и улыбнулся еще шире.

– Ну а что? – продолжал он. – Все по строгим правилам: угощение предложили, книги не украли, до угла довели. Совершенно невинная прогулка втроем.

Вера опустила взгляд, чувствуя, как дрогнули уголки губ.

– Прощайте, – сказала она.

– До встречи, Вера Петровна, – отозвался Сергей.

Илья молча кивнул.

Вера толкнула тяжелую дубовую дверь и вошла в прохладный вестибюль. Пожилой гардеробщик в форменной ливрее принял у нее пальто. Сняв берет, она поправила косы перед потемневшим от времени зеркалом. Щеки все еще горели после мороза.

Вечером она открыла дневник. Занесла перо. Капля сорвалась и расплылась по странице неровным пятном. Вера убрала кляксу промокашкой и вывела:

«28 января. Шли втроем до библиотеки. Все было мирно. Сергей Аросимов, кажется, способен поддержать разговор за всех троих».

Она закрыла дневник, распустила и расчесала волосы, почистила зубы и забралась под одеяло.

За двойными рамами было тихо, только на повороте к Остоженке проскребли по обледенелому насту стальные подрезы. В коридоре кто-то прошаркал в домашних туфлях, глухо кашлянула соседка. Дом затих.

От шерстяных перчаток, брошенных на стул возле голландки, все еще едва уловимо тянуло березовым дымом. В топке щелкнули угли. Вера закрыла глаза. Вспомнился голос Сергея, следом – короткая поправка Ильи про ящеров. Она улыбнулась и повернулась на бок.

Пометки на полях

За этот месяц они ни разу не договаривались о встречах, но их маршруты совпадали чаще, чем это бывает случайно. Иногда проходило несколько дней – и они не виделись, а иногда сталкивались дважды в день. Если у Ильи в этот час не было учеников, они позволяли себе пройтись немного втроем.

Они брали у сбитенщика горячий сбитень по копейке за стакан. Разносчик наливал его из укутанного в грубую холстину медного бака. Они пили его прямо на улице, грея пальцы в стаканах о толстое стекло в жестяном подстаканнике. Пар окутывал их лица. Вернув посуду, они шли дальше к Пречистенскому бульвару.

В одно из воскресений они пошли к Храму Христа Спасителя – не молиться, а слушать. Они знали, что в это время там поет знаменитый соборный хор. Они входили в глубокий теплый тамбур, где теснились такие же обыватели. Когда из-за внутренних дверей вырывался хор мужских и детских голосов, каменный тамбур наполнялся гулким эхом.

Они говорили о разном, избегая личных тем. Обсуждали новые повести в «Русском богатстве», странную моду модерн и студенческие беспорядки в Киеве. Вспоминали недавний очерк в «Науке и жизни» об опытах Попова с беспроволочным телеграфом.

– Представляете, если скоро можно будет передавать на расстояние мысли? – хмыкнул Сергей. – Какое счастье привалит нашим преемникам! Сиди себе на экзамене, царапай в тетради что-то для вида, а тебе из коридора правильные ответы транслируют. Великое дело!

– Твои мысли и без телеграфа на версту слышно, – отозвался Илья. – Ты лучше изобрети, как по твоему телеграфу передавать на расстояние тепло. Цены бы тебе не было зимой в наших нетопленых классах.

В конце февраля Вера пришла в Румянцевскую библиотеку, чтобы вернуть «Севастопольские рассказы». После этого чтения ей несколько ночей снился тяжелый запах крови и тихий, стыдливый стон солдатика, которому в госпитальном бараке пилили кость под хлороформом. В этой книге не было парадного мундира Крымской войны – только грязная, страшная изнанка.

Собравшись с духом, она спросила у Анны Семеновны:

– Можно взять «Анну Каренину»?

Год назад она уже начинала читать эту книгу – тот самый затрепанный домашний том без переплета, который девочки передавали друг другу в гимназической уборной. Она тогда бросила читать на середине, не понимая поступков Анны. Теперь, повзрослев, ей хотелось дочитать роман до конца, без спешки, и понять: возможно ли вообще пойти против всех, остаться собой – и выжить?

Анна Семеновна, обычно невозмутимая и строгая, в этот раз явно смутилась. Избегая взгляда Веры, она ответила, не отрываясь от ящика с карточками:

– Теперь… лучше выбрать что-то другое, милая.

– Но ведь это же не «Исповедь»! – выдохнула Вера. – Это просто художественный роман. Его все читали.

– Теперь важен не жанр, – еще тише ответила библиотекарь, – а то, чье имя на обложке.

Она полуотвернулась и стала перебирать карточки, давая понять, что разговор окончен.

Вера вышла в мороз. Внутри поселилась глухая обида. Цензурные строгости, над которыми они посмеивались с мальчиками, вдруг коснулись ее лично. Она опустила голову ниже, прячась от колючей снежной крупки, и уже собиралась нырнуть в Малый Знаменский, когда вдруг заметила знакомую серую шинель.

Сегодня Илья был один. В руках он нес стопку книг и тетрадей, перетянутую кожаным ремнем. Он шел быстро, но увидел ее и остановился.

– Что случилось? – спросил он.

– Толстого не дают, – сердито ответила Вера. – Даже «Анну Каренину». Анна Семеновна сказала, что теперь лучше выбирать что-то другое. Но ведь отлучили-то его за «Исповедь», за статьи! При чем тут роман?

Илья кивнул. Он поудобнее перехватил свою связку.

– Ты рассуждаешь как читатель, – сказал он негромко. – А она боится потерять место. Для Синода он теперь отлученный, а для нее – опасное имя на обложке. Ей проще запереть весь шкаф, чем потом оправдываться перед инспектором за то, что выдает крамолу.

– Но это же несправедливо, – сказала Вера, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – «Анна Каренина» написана больше двадцати лет назад. Там нет ничего против церкви, там просто люди. Неужели теперь всю его прозу запрут под замок?

Илья посмотрел на нее внимательно.

– Подожди минуту, – сказал он. Огляделся, щурясь от мелкого снега, и кивнул в сторону особняка. – Встанем вон туда, в нишу, а то страницы размокнут. Пять минут у меня есть до урока.

Они шагнули в глубокую каменную нишу старого усадебного фасада. Илья прислонил связку к холодной стене и ослабил медную пряжку. Вытащил из-под учебника анатомии потрепанный небольшой том с выцветшим корешком. На обложке было тиснено: *«К. А. Тимирязев. Жизнь растения»*.

Он стянул кожаную перчатку и открыл книгу где-то посередине.

– Посмотри сюда.

Вера сделала шаг ближе. Теперь они стояли плечом к плечу, и она чувствовала исходящее от его шинели тепло.

На пожелтевшей странице была черно-белая гравюра: корни растения, пробивающиеся сквозь каменистые слои почвы.

– Это корни обычного ясеня, – сказал Илья тихо, и его голос звучал непривычно мягко. – Когда корень натыкается на камень, он не останавливается. Он выделяет кислоту, медленно растворяет камень, ищет малейшую трещину. В конце концов камень просто дает скол. У него просто нет шансов, физика на стороне живой ткани.

Он протянул руку, собираясь указать на утолщение корня. Вера тоже потянулась к рисунку, чтобы придержать страницу, которую пытался перевернуть резкий порыв ветра.

Их пальцы встретились на шершавой бумаге.

Его ладонь была холодной, немного шершавой. Он не отдернул руку. И она не отдернула. На несколько мгновений Вера перестала слышать шум улицы. Она почувствовала, как его указательный палец едва сдвинулся, касаясь ее сустава.

– У природы нет понятия трагедии, Вера, – негромко сказал он, продолжая смотреть на их руки. – Живое всегда находит лазейку. Граф Толстой свою Каренину просто плохо просчитал. Она расшиблась со всего размаху о стену, вместо того чтобы найти в ней зазор и прорасти насквозь.

Пальцы разъединились. Он закрыл книгу. Упер стопку в колено, быстро затянул пряжку и поднял на нее взгляд.

– Так что не слушай тех, кто твердит про один-единственный финал, – сказал он своим обычным отстраненным тоном. – Книги пишут люди, а они всегда все усложняют. Корень пробивает камень просто потому, что у него нет другого выхода. Живое всегда сильнее мертвого камня.

*

Незаметно мир вокруг перестал быть мирным. В очередях за керосином женщины тихо переговаривались, оглядываясь по сторонам. В гимназической уборной девочки, забыв про сплетни, громким шепотом пересказывали друг другу страшные новости: в Петербурге студент

стрелял в министра Боголепова; киевских студентов везут через Москву этапом, а на Моховой полиция нагайками разгоняет толпу и хватает всех подряд.

– Мой папа слышал от знакомого пристава, – громким шепотом пересказывала толстая Катя из другого отделения, – что в Манеже всю ночь держали пятьсот человек, а то и больше. Говорят, всех их в солдаты запишут.

Вера молча слушала. Внутри все сжималось от страха. Это было так далеко от их тихих переулков и так близко.

Тревога вскоре подобралась вплотную к их дому. Хозяйкин сын, студент Технического училища Андрей, теперь всегда возвращался домой за полночь. А однажды вечером, проходя мимо общей кухни на первом этаже, Вера случайно подслушала обрывок его разговора с матерью:

– …вы не понимаете! – горячо доказывал парень. – Там наши товарищи, у нас завтра обструкция намечается! А вы все заладили – учись да учись!

– А ты думаешь, у меня сердце за тебя не болит? – глухо отвечала хозяйка, Елена Степановна. – Мы люди маленькие, Андрей. Наше дело – сидеть тихо да помалкивать, пока в полицию не загремел.

Вера прошла мимо, стараясь не скрипнуть половицей. Ей было не по себе.

Через неделю Андрей не вернулся домой.

Елена Степановна, всегда собранная, с прямой спиной, за один день осунулась и постарела. Она провела весь день в полицейском участке и вернулась под вечер – с потемневшим лицом и сухими глазами.

– Забрали, – тихо сказала она матери Веры на кухне. – В солдаты. Как тех, киевских. Говорят, отправят в Ташкент. За то, что был на сходке.

Лидия Григорьевна молчала. Вера, замерев в узком темном коридоре перед дверью, почувствовала, как у нее холодеют пальцы. Это могло случиться с любым. Даже с ней, если бы она родилась мальчиком.

С гимназистами из Первой мужской Вера теперь виделась редко – в марте у всех добавилось хлопот. Но однажды они случайно пересеклись в Малом Знаменском. Снег падал крупными хлопьями. Сергей, который только что откуда-то прибежал, выглядел растерянным – его фуражка съехала на затылок, а лицо раскраснелось.

– Слышали? – выпалил он вместо приветствия. – У Никитских ворот казаки толпу нагайками бьют! Сейчас к нам на биржу извозчик прилетел – лошадь вся в мыле, сам трясется. Кричал на всю площадь, что там курсистку какую-то за косу прямо по снегу тащили. Народ кричит, а жандармам хоть бы что…

Вера вздрогнула. Курсистку за косу. Почему-то вспомнилась та январская стычка… Только тогда смеялись мальчишки. А теперь – казаки.

– Сам видел? – спросила она тихо.

– Говорю же, извозчик этот только что оттуда сбежал! У него от этих криков и ударов нагаек лошадь понесла, еле удержал на повороте.

Они помолчали. Откуда-то далеко, со стороны Пречистенки, донесся гул – то ли ветер, то ли чьи-то крики.

– Отец еще в январе, когда киевских в солдаты забрили, говорил, что правительство само себе врагов растит, – тихо добавил Сергей. – Похоже, дождались.

Вера посмотрела на Илью. Он стоял, засунув руки глубоко в карманы шинели.

– Толстого отлучили, студентов забирают в армию, министра вообще застрелили, – негромко сказал он. – А мы каждое утро чистим пуговицы, вытягиваемся во фрунт перед инспектором и зубрим латинские исключения. Нас учат порядку, которого уже давно нет.

– Страшно это все, – тихо сказала Вера.

– Не страшнее, чем всегда, – ответил он, глядя на нее. – Просто трещина пошла. Внутреннее давление слишком велико, вот камень и дает трещину. Мертвое всегда проигрывает живому, ты же помнишь.

Они постояли еще немного молча, слушая, как скрипит снег под подошвами. Сергей вдруг хлопнул себя по бокам:

– Ну их! Пойдемте лучше бубликов купим. Пока киоск не закрылся.

Они подошли к киоску. Старик проворчал, ни к кому конкретно не обращаясь, заворачивая бублики в обрывки газеты:

– Шуму-то сколько нагнали… А нам, старикам, все одно – торгуй да кормись. Студенты ли, бунтари ли – а работать надо, брюхо не ждет.

А еще через несколько дней, в классе, Мария Павловна объявила:

– Девицы, прошу внимания. Господин инспектор велел передать: никаких разговоров о недавних уличных беспорядках. Кто будет замечен в вольнодумстве – получит строгий выговор с занесением в кондуит и снижением балла за поведение.

Вера сидела за партой, глядя в полоску серого неба над замазанным до половины белой краской стеклом, и думала: вольнодумство – это когда думаешь о том, о чем не велят? Или когда не можешь перестать думать, даже если велят? Слово казалось нелепым, словно его выдумали специально для запугивания гимназисток.

*

В начале апреля снег еще лежал, по ночам подмораживало, а ветер с Москвы-реки у храма зло задувал за ворот. Но дни становились длиннее, а арестованных студентов больше не обсуждали на каждом углу. Москва уже отпраздновала раннюю холодную Пасху и теперь ела праздничные куличи.

Приближались выпускные экзамены. Вера каждую свободную минуту проводила за учебниками: зубрила даты по истории, штудировала планы сочинений, заучивала длинные цитаты классиков и христианскую догматику.

Юноши тоже готовились к переводным экзаменам в восьмой класс, каждый по-своему. Илья, по словам Сергея, как обычно сидел над учебниками до поздней ночи. Сам Сергей совмещал скучное с приятным. Учеба давалась ему легко, а долгого отсиживания за партой ему хватало и в классе. Поэтому он часами бродил по весенним бульварам, держа перед собой раскрытый учебник. Попавшиеся по дороге учителя видели в этом прилежное радение, к тому же так он мог перебросится парой слов с Верой – они часто встречались недалеко от библиотеки.

За всеми этими заботами Вера чуть не забыла о собственном дне рождения. Постоянного уклада в этот день не было – все зависело от пасхального календаря. В иные годы ее день приходился на Великий пост, и тогда на столе появлялся постный пирог с картошкой и луком. В эту весну, когда Пасха осталась позади, мать не пожалела денег на яйца и масло для праздничной сдобы.

Утром, уходя к ученице, мама поцеловала ее в лоб и положила на стол сверток, в котором оказалась новая темно-синяя бархатная лента для волос, с каймой, вышитой серебряной нитью. Мать улыбнулась:

– Ты у меня умница. Заслужила.

Надя и Лиза подарили открытку с аляповатыми розами и выведенными витиеватым почерком пожеланиями счастья и успехов. А после занятий Вера пошла, как обычно, в Румянцевскую библиотеку – она была по пути домой. Она не думала ни о чем таком – просто обычный день, привычный маршрут. А вечером они с мамой попьют чай с пирогом.

Она взяла новые книги и вышла на крыльцо. Голубое небо было подернуто сизыми тучами. Воздух был сырым, плотным, пахнущим мокрой штукатуркой и талой землей.

На полпути вниз она столкнулась с ними. Юноши как раз поднимались в библиотеку. Увидев Веру, они притормозили.

Широко улыбаясь, Сергей выудил из кармана шинели блокнот в темно-синей клеенчатой обложке – товар из отцовской лавки, где был небольшой отдел с канцелярией.

– Для умных мыслей! Чтобы не разлетелись, как воробьи.

Илья молча вытащил из-под книг в своей связке том «Записок охотника» Тургенева. Не библиотечный, а его собственный, с чуть затертым корешком.

– Возьми, – сказал он просто. – Я уже все для себя вычитал.

Вера растерянно перевела взгляд с книги на Илью.

– Но откуда вы узнали?

– Земля слухом полнится, Вера Петровна, – весело вставил Сергей, приподнимая фуражку. – Главное, что мы успели вовремя.

Дома, в своей комнате, Вера зажгла лампу и бережно открыла книгу. На форзаце было выведено чуть угловатым почерком: *«Вере. Илья. 8 апреля 1901»*. Она медленно перелистала страницы – на полях то и дело мелькали его карандашные пометки. Возле описания мудрого старика Хоря было приписано: *«Ум сильнее сословия»*. На полях рассказа «Бирюк», там, где угрюмый лесник отпускает пойманного вора, Илья приписал: *«Живое упрямее мертвого закона»*. На страницах «Бежиного луга» его почерком было выведено: *«Человек боится темноты в собственной голове»*.

Ложась в постель, Вера положила том под подушку. От мысли, что он держал эту книгу в руках, говорил с текстом и выводил эти слова, а потом отдал ей, внутри теплело. Она закрыла глаза, чувствуя, как ее ладонь нащупывает сквозь наволочку твердый угол тургеневского переплета.

Уроки под липами

Апрельская погода была обманчивой. Стоило солнцу пригреть по-весеннему и превратить сугробы в грязные лужи, как тут же налетал резкий ветер с реки, стягивая раскисшую жижу прозрачной коркой льда. Воздух пах сыростью и талой землей. Каждый новый день напоминал о том, что до выпускных испытаний осталось всего ничего.

Верины одноклассницы ходили с темными кругами под глазами, грызли карандаши и судорожно листали учебники на переменах. На кону стоял итоговый аттестат с высокими баллами: только он открывал дорогу в дополнительный восьмой класс. Выпускницы мечтали о курсах Герье, Консерватории, Строгановском училище и Женском медицинском институте.

У Веры иллюзий не было. Никакие искусства ей не светили, а историко-филологическое отделение Женских курсов оставалось далекой мечтой. Ее расчет был суров: нужно было получить право на восьмой класс, чтобы в будущем иметь хотя бы копеечное место учительницы начальной школы. Тройка по любому предмету сжигала этот единственный шанс.

Математика не поддавалась ее образному уму. Вера могла часами распутывать узлы человеческих отношений у Толстого и Достоевского, но сухие формулы и уравнения вызывали у нее глухую тревогу уже одним своим видом на странице задачника.

Однажды Вера столкнулась с Сергеем на выходе из библиотеки, и он предложил пройтись вместе по Пречистенскому бульвару. Он взял у разносчика два стакана горячего медового сбитня, и они пошли по аллее. Раскисшая земля мягко чавкала под галошами. Пахло мокрой корой, прошлогодней прелой травой и масляной олифой – садовые скамейки только вчера выкрасили зеленой краской, которая блестела на скупом солнце. Извозчики перепрягли лошадей в колесные экипажи, и город снова оглушительно грохотал ободами по булыжнику.

Ильи в последнее время не было видно – он до ночи сидел у купеческих детей, подтягивая их по латыни, математике и физике перед переводными испытаниями, а в перерывах умудрялся готовиться к собственным. Вера встречала его лишь в читальном зале, да и то издали. Он кивал ей и снова уходил в книгу.

– Попроси Илью позаниматься с тобой, – сказал Сергей, шумно дуя на обжигающий напиток, от которого валил пар. – Он объясняет так, что даже до моей садовой головы все быстро доходит.

– У него же и так полно учеников, – возразила Вера. – Откуда у него время? И потом, он дает платные уроки…

– Да брось ты, с тобой все иначе, – перебил он и дружески тронул ее за плечо. – Он с друзей копейки не возьмет. Просто скажи, что алгебра у тебя не идет, застряла. Мы с ним в пятом классе так и сошлись: я над латынью корячился, а потом подошел к нему спросить про этот проклятый аблатив абзолютус. А он мне за пять минут всю схему разложил. Объяснил, что латынь – это просто чертеж, а абзолютус – закрытый блок: переводи его отдельно, как готовое действие, а потом прицепляй к остальной фразе. И все! Зубрежка кончилась. Илья тогда так и сказал: «Если механику языка не поймешь, зубрить без толку».

Сергей немного помолчал. Улыбнулся:

– Подойди к нему, Вер, не бойся. Спроси прямо – он точно не откажет, вот увидишь. Завтра он книги сдавать пойдет.

Вера промолчала, разглядывая толстые стенки своего стакана. Она знала, как много Илья работает, и просить его заниматься с ней даром казалось неправильным.

На следующий день после занятий Вера пришла в библиотеку чуть раньше обычного. Попросила у конторки свежий номер «Вестника Европы» и присела на длинную дубовую скамью у огромного арочного окна, выходившего во внутренний двор. В читальном зале стояла тишина, только шуршали страницы книг и скрипели перья. Лучи апрельского солнца играли

на темном лаке стола и стеклянном зеленом абажуре незажженной керосиновой лампы. Она листала страницы, не вникая в текст, и посматривала в окно. За ним полукруглый внутренний двор был как на ладони.

Когда в воротах показалась знакомая высокая фигура, она на мгновение замерла. Илья шел быстро, придерживая рукой фуражку от резких порывов ветра. Шинель без зимней подстежки сидела на нем свободнее и подчеркивала разворот широких плеч. Вера смотрела, как он скрывается под навесом парадного крыльца, и только тогда поднялась. Поспешно сдала журнал библиотекарю и спустилась по широкой лестнице на первый этаж.

В вестибюле пахло мокрым сукном и сыростью от галош. Вера подошла к вешалкам и присела на край скамьи, делая вид, что поправляет шнурок.

Илья вошел, снял фуражку и сразу заметил ее. Спокойно кивнул ей и остановился у вешалок, расстегивая пуговицы шинели.

– Здравствуй, – сказала Вера, поднимаясь со скамьи.

– Здравствуй, – ответил он.

– Ты сегодня без Сергея? – спросила она, просто чтобы начать разговор.

– У него отец заболел, – отозвался Илья. – Остался помогать приказчику в лавке.

Наступила пауза. Илья спокойно смотрел на нее и ждал, пока она заговорит.

– Ты что-то хотела? – спросил он наконец.

Вера решилась:

– Ты… не мог бы мне помочь? С математикой. К выпускным испытаниям.

Сказала это – и сразу опустила глаза.

Илья молча кивнул:

– Хорошо. Давай завтра. Встретимся в два, после занятий, у киоска в Малом Знаменском. Оттуда пойдем к Пречистенскому бульвару.

Он посмотрел ей прямо в глаза, и она почувствовала, как уши розовеют.

– До завтра, – сказал Илья и протянул шинель гардеробщику.

Вера надела пальто, натянула на ботинки резиновые галоши и вышла на улицу. Только через полквартала она заметила, что пальцы в перчатках все еще напряжены, а плечи слегка сведены. В горле пересохло.

Так они и стали заниматься: третью неделю подряд они встречались по вторникам и четвергам. Сначала сидели на зеленой скамейке на Пречистенском бульваре, а когда начинало холодать, перебирались в читальный зал.

В начале мая стояла ясная, почти летняя погода. Мостовые и дорожки на аллеях просохли. Липы распустились стремительно. Пахло свежей молодой зеленью, еще не успевшей покрыться городской пылью.

Они сидели на скамейке, между ними на крашеных досках лежал раскрытый задачник. Илья спокойно, методично объяснял. Любое сложное задание он раскладывал как понятный механизм. Когда они разбирали экзаменационную задачу на вычисление объема конуса, Вера поначалу никак не могла сообразить, с чего начать расчет. Илья просто прикрыл ладонью условия в учебнике Давидова:

– Забудь, что он круглый. Представь, что мы разрезали этот конус ножом сверху вниз. Что осталось на срезе?

Вера присмотрелась к рисунку:

– Равнобедренный треугольник.

– Правильно, – кивнул он. – А теперь опусти из вершины высоту прямо в центр основания. Получатся два прямоугольных треугольника. В них эта высота и радиус основания – это катеты, а образующая – гипотенуза. Мы свели задачу к плоской геометрии. Ищи высоту и радиус, а дальше просто подставишь их в формулу объема.

Мало-помалу Вера ощущала, как хаос в ее голове укладывается в систему. Она решала задачи в своей тетради, изредка задавая ему короткие, точные вопросы. Пока она сосредоточенно выводила решение, боковым зрением ей то и дело казалось, что он смотрит на нее, а не в задачник. Но стоило ей поднять голову – Илья уже сидел с прежним невозмутимым видом.

Жизнь на бульваре текла своим чередом. Няньки в суконных кофтах катили коляски. Студенты-технари в расстегнутых тужурках вполголоса обсуждали недавний приговор Карповичу и высланных из Москвы товарищей. Старушки в платках сыпали крошки голубям, гулявшим в придорожной пыли под ногами прохожих. У уличного киоска с квасом толпились обыватели. Пахло цветущей сиренью и нагретой листвой. Никто не обращал на них внимания – обычная картина предэкзаменационных дней.

Илья сидел рядом, но не слишком близко. Воротник его форменной летней блузы был слегка расстегнут, а рукава закатаны. Фуражка лежала на скамье. Концы его слегка вьющихся каштановых волос светились на солнце золотистым светом. Когда Илья переворачивал страницы задачника, она невольно задерживала взгляд на его руках.

На ней было обычное гимназическое платье с парадным белым передником с крылышками на плечах. В косу была вплетена новая синяя бархатная лента, завязанная бантом. Край косы лежал на зеленой деревянной планке. Вера заметила, как он задержал взгляд на движении этого кончика и быстро отвел его.

Когда солнце клонилось к закату и воздух становился прохладным, они перебирались в читальный зал. Там они сидели за угловым столом. Вера решала задачу в своей тетради и двигала раскрытый задачник Илье, а он проверял ее вычисления и отдавал том обратно. Рядом с ним лежал массивный курс тригонометрии, и пока она решала задачу, он успевал уйти в свои записи, исписанные непонятными ей строгими рядами синусов и косинусов. Иногда их взгляды встречались поверх страницы. Он кивал ей: «Правильно». Она слегка улыбалась одними уголками губ и снова утыкалась в свою тетрадь.

После одного из таких уроков, раздеваясь у себя в комнате, Вера вдруг поймала себя на том, что все еще слышит звук его голоса – низкий, ровный. Она смотрела на свое отражение в темном окне и думала: «А если бы он вдруг спросил не про иксы, а про что-то совсем другое… я ведь тоже ответила бы…»

До выпускных испытаний оставались считанные дни. Теперь она больше всего боялась не провала на математике, а того утра, когда экзамен закончится и им станет незачем приходить к киоску в Малом Знаменском.

*

Экзамены прошли строго, но Вера выдержала – пять пятерок, две четверки, в том числе по математике, и похвальный лист педагогического совета.

В середине июня выпускницам вручали аттестаты. В душном актовом зале, где пахло дешевыми духами, туалетным мылом и разогретой мастикой, начальница гимназии – грузная генеральша в шелковом синем платье и с массивным медальоном на груди – вручила ей ее гербовый лист. Плотная бумага еще пахла типографской краской; черными чернилами с витиеватым почерком было выведено: *«Удостоена звания учительницы начальных народных училищ»*.

Вера держала лист в руках и ощущала себя странно. Столько лет зубрежки, слез, страха – и все. Одна страница, которую можно сложить вчетверо и спрятать на дно шкатулки.

– А в частных гимназиях, говорят, настоящий бал устраивают, – шепнула Лиза, когда они втроем спускались по лестнице. – Играет оркестр, шампанское наливают. У Соньки Вяземской сестра там учится, рассказывала: кавалеры приглашают на вальс, цветы, подарки…

– А у нас – чай с сушками да нотация о скромности, – отозвалась Надя, аккуратно складывая бумагу вчетверо. – И напутствие на прощание: «Будьте опорой для семьи, образцом христианского благонрафия и остерегайтесь модных безбожных идей».

Дома Вера сложила лист и спрятала его на дно большой шкатулки. Там лежали обрезки лент, несколько катушек ниток, сухие веточки лаванды для аромата, старые письма, афиша одесского театра – *«Бенефис танцовщицы Лидии Гринберг»*. Сбоку лежала карточка отца, сделанная еще до его болезни: русые, гладко зачесанные на боковой пробор волосы, аккуратные усы, рука, заложенная за борт парадного мундира. Отец на фотографии смотрел на нее строго, но не сурово, будто говорил: «Держись, Верочка. Я рядом».

Впереди был педагогический класс при гимназии. В сентябре мать снова понесет прошение к начальнице гимназии об освобождении от платы. Снова будет предъявлять свидетельство о смерти отца, справку о маленькой вдовьей пенсии и унизительное свидетельство о бедности из полицейского участка.

На Высшие женские курсы принимали и после седьмого класса, но платить за них пятьдесят рублей в год все равно нечем. А здесь – всего год, после которого у нее будет хотя бы звание домашней наставницы.

Вера закрыла шкатулку и старалась больше об этом не думать.

*

В один из жарких июньских дней Вера вдруг встретила Илью у крыльца библиотеки.

Она пришла сдать книги перед отъездом. Они с матерью нанялись на лето к знакомой купчихе на дачу: мать должна была учить хозяйских дочерей вальсу и изящным манерам, а Вере предстояло читать им вслух по вечерам и слушать их бесконечные сплетни.

– Здравствуй, – сказала Вера первой.

– Здравствуй, – ответил он.

Они помолчали. Теперь между ними не лежал раскрытый задачник.

– Спасибо, – произнесла Вера, глядя немного в сторону – полуденные лучи слепили глаза. – Без тебя я бы не справилась.

– Ты сама справилась, – ответил Илья. – Я был лишь… подспорьем.

Она улыбнулась. Пыталась подобрать слова, но так ничего и не добавила. Они молчали.

– Теперь Герье? – спросил он.

– Педагогический класс, – коротко ответила Вера.

В этот момент откуда-то снизу вынырнул Сергей. Он держал в руке фуражку и обмахивался ею, как веером.

– А вот вы где! – воскликнул он. – Я уж думал, вы оба уехали из города. Жара – сил никаких нет! – Он хлопнул Илью по плечу. – Ну что, профессор? Ты наконец собираешься отдыхать?

– Придется, – усмехнулся Илья.

– А мы тогда, – Сергей подмигнул Вере, – заберем этого упрямого человека и утащим пить холодный квас на бульвар. Он уж точно заслужил право на отдых!

Еще через день, накануне отъезда, Вера снова встретила Сергея недалеко от Пречистенских ворот. Они присели на деревянную скамью, и разговор сам собой свернул к Илье – сам он на тот момент уже уехал к матери в Егорьевск.

– А ты с ним… – Вера запнулась, подбирая слова. – Ты подружился с ним после того, как он помог тебе с латынью?

Сергей задумался:

– Насчет дружбы не знаю. Арсеньев не из тех, кто пускает в душу. – Он сорвал листок с ветки сирени, проросшей сквозь решетку, и принялся крутить его в пальцах. – С ним непросто. Он очень закрытый. Но на него можно положиться.

Они помолчали. Потом Сергей добавил, глядя уже на нее:

– А ты ведь тоже… не такая, как все. Не похожа на других гимназисток. У них в голове одни шляпки да пикники. А у тебя взгляд такой… строгий. Как будто ты все время ждешь подвоха от жизни.

Вера не знала, что отвечать.

– И Илья такой же. Только по-своему, – продолжал он. – Вы с ним прямо как... ну, помнишь из Пушкина? Они сошлись. Вода и камень, стихи и проза, лед и пламень...

Он хитро прищурился.

– А я при вас, выходит, вроде кочерги? Чтобы лед колоть и костер шевелить.

Вера снова не ответила, лишь крепче сжала пальцами ручку старенького маминого ридикюля.

А Илья, сидя в тот вечер на жесткой деревянной лавке зеленого вагона, увозившего его в Егорьевск, думал не о дорожной духоте, не о деньгах и не о ждущей его матери. Он вспоминал, как она стояла в их последнюю встречу на ступенях Румянцевского музея – в своем скромном платье, с тяжелой косой, упавшей на плечо, и упрямым взглядом. Он тогда чуть было не спросил, не хочет ли она поехать в Сокольники. Но не спросил. Они просто попрощались тогда, оставив все как есть до самого сентября.

Цена мечты

В сентябре случилось резкое похолодание. Аллеи вдоль Пречистенского бульвара были усыпаны пожухлыми скрученными листьями, которые хрустели под подошвами. Торговки на каждом углу продавали антоновку и подмосковные грибы. Пахло яблоками, прелой листвой и дегтем от колес.

Вера вошла в вестибюль родной гимназии уже воспитанницей педагогического класса. У вешалок возились младшие воспитанницы, испуганно озиравшиеся на старших. Вера сняла пальто без ватной подстежки и уже потянулась к крючку, когда сзади на нее кто-то налетел. Она пошатнулась, схватилась за стойку и обернулась.

Позади стояла первоклассница. У нее были короткие волосы с неровной челкой, словно ее резали дома наспех. Черный передник ее платья перекрутился набок, а воротничок был пришит немного кривовато. Девочка подняла с пола грохнувшую связку книг и хрипловато сказала:

– Простите. Я нечаянно.

– Как тебя зовут? – спросила Вера, удивляясь тому, с каким вызовом эта малявка смотрит на старшую.

– Марина, – ответила та. И, помедлив, добавила: – Из первого класса.

– А я Вера. Из педагогического. – Она чуть улыбнулась. – Ничего, Марина, привыкнешь. Иди, а то опоздаешь.

Девочка по-деловому кивнула, повернулась и убежала. Из-за пояса ее фартука выпорхнул сложенный вчетверо листок и плавно опустился на паркет.

Вера наклонилась и подняла бумажку. На листке карандашом были выведены две неровные, крупные строчки:

«В зале музыка замолкла, старый дом давно молчит.

Я сижу у темной шторы – ночь со мной одной грустит».

– Погоди! – окликнула Вера, но девочка уже скрылась за поворотом.

Вера спрятала находку в карман – отдаст при первом же случае.

Она повесила шляпку на крючок поверх пальто и остановилась перед мутноватым зеркалом в углу. Оттуда на нее смотрела девушка в строгом коричневом платье, с длинными рукавами и глухим высоким воротом. Мать купила ткань еще два года назад и пошила ей платье с расчетом на то, что его хватит до выпуска. Расчет оправдался – ткань была долговечной, плотной, и перед началом занятий в педагогическом классе мать просто распорола боковые швы, выпустила припуски – и платье сидело как надо.

В восьмом классе правила смягчались: воспитанницам дозволялось ходить в своих платьях, если они были темными и скромными. Но Вера просто донашивала старую форму – другого темного платья у нее не было. Она поправила косы и вышла в коридор.

Там она наткнулась на учительницу истории Анну Владимировну, которая вела у нее уроки с пятого класса и до выпуска. Учительница взглянула на ее косы и устало вздохнула:

– Госпожа Лагодина… когда же вы наконец научитесь убирать волосы по-взрослому? Взрослая девица, а все как девчонка.

Вера подняла на нее взгляд.

– Мне так удобнее, Анна Владимировна.

Историчка замолчала, разглядывая ее свежий воротничок и тщательно выглаженное платье. Взгляд ее потеплел.

– Что ж, – сказала она. – Идите. Удачи вам.

Воспитанниц педагогического класса было немного – человек двенадцать. Вериных бывших одноклассниц среди них не было, зато из параллельного отделения, с которым они раньше

почти не общались, пришло несколько девушек. Вера помнила их смутно, по лицам. Толстая Катя в глухом шерстяном платье и накинутой на плечи шали приветливо кивнула ей. Сестры-близняшки Гнедины в строгих английских костюмах-тальер из темно-синего сукна сидели за первой партой, выпрямив спины. Они вполголоса переговаривались на французском, демонстративно отвернувшись от остального класса.

Купеческая дочка Елена (мама как-то шила ей жакет), расправляя валансьенское кружево на рукавах своей кремовой шелковой блузы, обронила негромко, но так, чтобы слышали все:

– Барышня, вы, кажется, ошиблись аудиторией. Седьмой класс занимается в правом крыле, сейчас у них французский. А здесь курс для взрослых.

Вера ничего не ответила. Она молча прошла к парте и села рядом с Катей. Та завела было разговор, но Вера ответила сдержанно, больше из вежливости. Прежняя компания сложилась сама собой, еще в детстве, и держалась просто по привычке. Теперь этой привычки не осталось, а начинать все заново не хотелось. Проще было держаться особняком.

По сути, со старой жизнью ее теперь связывали только два человека. Мысль о них подбадривала Веру каждое утро.

Сергей учился в выпускном классе, помогал отцу в лавке и по его настоянию готовился на юридический.

– Отец говорит, там учат не правила запоминать, а строить аргументы, – рассказывал он Вере. – А это, мол, в торговле первейшее дело. И еще сказал: «С умом и без денег проживешь, а вот с деньгами, да без ума – только до первой сделки». Так что пойду учиться на умного.

Илью она не видела уже несколько недель. Тот, по словам Сергея, окончательно выбрал медицинский и теперь штудировал латынь до рассвета, чтобы выдержать конкурс и попасть на казенное место.

У Веры тоже была мечта – Высшие женские курсы. Имя профессора Герье звучало для нее как пропуск в совсем иной мир. Там лекции читал сам Ключевский, там спорили о философии и искали скрытые пружины исторических событий. Но между мечтой и возможностью лежала пропасть, измеряемая в рублях.

В десятых числах сентября начальница гимназии вызвала Веру к себе в кабинет.

– Вы, кажется, грезите о курсах, госпожа Лагодина? Это похвально. Но имейте в виду: конкурс в этом году огромный – четыре человека на место. И средства на обучение нужны немалые. Теперь о вашем прошении. Мы, разумеется, рассмотрим его на попечительском совете, но обнадеживать вас я не стану.

Вера слушала, опустив глаза. Конкурс ее не пугал. Она была достаточно умна, чтобы обойти троих других, но слишком бедна, чтобы конкурс имел какой-то смысл. Она много раз мысленно пыталась выкроить хоть одну лишнюю копейку из их бюджета, но цифры не сходились, зазоров не оставалось.

Пенсия после отца – десять рублей в месяц. Ничтожная сумма, но без нее они бы и вовсе не протянули.

Мамины уроки танцев. Их теперь было мало. В Одессе Лидия Гринберг танцевала в частном театре, и ее имя печатали на афишах, но здесь никому не было до этого дела. Изредка ее звали в мещанские и купеческие дома – учить хозяйских дочерей делать реверансы, танцевать вальс и держать спину. За это платили от семидесяти копеек до рубля. В удачный месяц набегало рублей четырнадцать, в плохой – от силы семь. В среднем – одиннадцать.

Шитье. Мама бралась за любую работу – подшить подол, перелицевать старый жакет, положить незаметную латку. За это платили копейки, зато регулярно. Постоянные клиентки просили иногда сложную переделку и отдавали три рубля. В месяц выходило еще рублей шесть.

Вера сводила в уме цифры: пенсия – десять, уроки – одиннадцать, шитье – шесть. Итого двадцать семь рублей на двоих. В лучшие месяцы – тридцать.

А дальше начинались траты.

За две комнаты хозяйка брала с них пониже из уважения к памяти Петра Сергеевича, но эти двенадцать рублей оставались самым тяжелым расходом.

Дрова – в прошлом году ушло пятнадцать рублей за сезон, а если раскидать на год – выходило по два с половиной в месяц. Керосин – еще около полутора. На еду – хлеб, картошку, капусту, крупы, чай, постное масло – уходило еще рублей четырнадцать на двоих. Рыбу, молоко или яйца покупали редко, а про свежее мясо и творог даже не заикались. Мыло, зубной порошок, свечи, починка обуви – еще рубля три. Мелочи вроде машинных иголок, ниток или мела для выкроек стоили копейки, но и они к концу месяца складывались в рубли.

Почти каждый месяц они влезали в долги. Хозяйке платили с опозданием. В лавке забирали продукты по книжке. Мать занимала у знакомых, отдавая по рублю, как только получала деньги за свои уроки или шитье.

И это без учета одежды. Верино пальто носилось несколько лет. Ботинки сапожник подшивал дважды. Белье штопали до прозрачности. Полотно, истонченное бесконечным кипячением, стало почти невесомым; всякий раз, просовывая руку в рукав сорочки, Вера боялась услышать сухой треск рвущейся ткани.

По вечерам мать, склонившись над шитьем, время от времени терла покрасневшие глаза и снова бралась за иглу. Вера смотрела на ее натруженные пальцы и понимала, что эти руки – единственное, на чем они до сих пор держатся.

Вера вышла из кабинета начальницы и пошла по коридору, не поднимая глаз. Неужели ее дорога оборвется здесь, в педагогическом классе? Неужели дальше – только место гувернантки в чужом доме, где придется нянчить чужих детей, выслушивать придирки хозяек и читать книги тайком, в перерывах между стиркой и штопкой?

Она дошла до пустого перехода и прислонилась лбом к прохладной каменной стене. Глубоко вдохнула и пошла в класс.

*

Сергей жил вместе с отцом в доходном доме у Пречистенских ворот, прямо над их лавкой колониальных товаров. Его дорога к библиотеке лежала по Волхонке, и они часто встречались, когда Вера шла домой. Эти мимолетные разговоры были для нее единственной отдушиной.

– Здравствуй. Как успехи?

– Справляюсь. А у тебя?

– Завал, – усмехался Сергей, но глаза у него были усталые. – Зубрю логику по Челпанову, эти бесконечные силлогизмы и правила аргументации. Голова кругом идет.

– Тяжело?

– А кому сейчас легко? – он пожимал плечами, пряча руки в карманы шинели. – Ты-то как? В своем педагогическом не скучаешь без нас?

Вера лишь улыбалась в ответ.

Лежа по вечерам без сна, она вспоминала Илью. Как он сидел рядом на скамье, терпеливо объясняя ей стереометрию, и как его крупные кисти уверенно переворачивали страницы задачника. В голове звучал его ровный спокойный голос. И еще – запах мыла от его рубашки, и потрепанный томик Тимирязева, и оглушительное касание в каменной нише, и книгу Тургенева с карандашными пометками.

Ей вдруг стало интересно: он сейчас тоже не спит и сидит над учебником или уже лег? Она представила его в тесной хозяйской каморке: тусклое пятно керосиновой лампы, раскрытый учебник по анатомии, склоненная голова с волнистыми волосами. И от этого ночная темнота за окном уже не казалась такой глухой, словно Илья был совсем близко.

И вспоминала Сергея. Когда он шутил, она забывала о деньгах и страхе перед будущим.

А утром она снова шла по хрустящим листьям, игнорировала Еленины колкости, конспектировала дидактику Коменского и разбирала методику обучения грамоте и арифметике. И мысленно перебирала одни и те же цифры, просто чтобы занять ум.

После бала

В середине декабря на доске в вестибюле появилось объявление на плотном листе с крупной подписью начальницы гимназии:

«Рождественский музыкальный вечер воспитанниц седьмого и педагогического классов Четвертой женской гимназии. 26 декабря 1901 года. По особому дозволению попечителя Московского учебного округа, к участию в бальных танцах допускаются воспитанники мужских гимназий исключительно по именным входным билетам, выдаваемым через инспектора гимназии».

Возле доски с утра толпились девчонки: читали через чужое плечо, шумно переговаривались и не верили своим глазам.

В аудиториях только об этом и говорили. Классные дамы и учительницы взволнованно переговаривались на переменах. Те, что помоложе, замечали с робким одобрением: «Времена меняются, барышням необходимы светские манеры!» Дамы постарше поджимали губы: «Устраивать бал в такое неспокойное время, пускать в зал старших гимназистов – чистое легкомыслие. Педсовет берет на себя слишком смелую ответственность».

Начальница гимназии оставалась непреклонна: «Программа бальных танцев утверждена Министерством, и наши воспитанницы обязаны показать безупречное знание вальса и котильона. Умение держать себя в мужском обществе – такое же требование министерского циркуляра, как и выпускной балл по русскому языку и словесности. Мы готовим домашних наставниц, а не дикарок, которые будут краснеть и робеть при первом же поклоне кавалера».

На первом листке она вывела:

«Илья, двадцать шестого декабря у нас в гимназии рождественский бал. Прилагаю именной билет и буду рада тебя видеть. В.»

И на втором:

«Сережа, двадцать шестого декабря в гимназии бал, и я выпросила для тебя билет. Если ты не забыл, как танцуют вальс за прилавком, приходи обязательно. И не вздумай отговариваться годовыми отчетами! В.»

Вера спустилась во двор, передала конверты вместе с пятачком за труды дворнику Федоту. Тот знал всех дворников в округе наперечет и перекинуть записки к Гагаринскому переулку и к Пречистенским воротам для него было делом нескольких минут.

Накануне гимназического вечера Вера села в своей комнате перед зеркалом. Сквозь двойные рамы глухо доносился торжественный перезвон от Храма Христа Спасителя. Лидия Григорьевна отложила бесконечную работу и достала из-под стопки выглаженного белья в комоде пожелтевший бумажный сверток, перевязанный тесьмой.

Вера осторожно развернула бумагу. В свертке лежал корсет – белое полотно со стальными пластинами, аккуратными рядами шнуровки и шелковыми подвязками. Это был выходной корсет матери, который та бережно хранила еще с одесских времен.

Вера никогда прежде не носила корсета. Будничное гимназическое платье сидело свободно, а дома она ходила в фланелевых или ситцевых домашних блузах.

Лидия Григорьевна обернула ее плотным белым полотном поверх нижней сорочки и ловко, привычно потянула за шнуры на спине. Ткань туго сжала ребра. Вера почувствовала, как ее спина выпрямилась, грудная клетка приподнялась, а дыхание перехватило. Теперь нужно было учиться дышать мелко, поверхностно, не делая глубоких вдохов.

Она посмотрела на свое отражение. Старый корсет не просто стянул талию – он полностью перекроил ее силуэт. Плечи расправились, спина стала прямой и гордой. Вера почувствовала себя непривычно взрослой и почти сразу смутилась от этого ощущения.

Лидия Григорьевна улыбнулась одними уголками губ. Она ничего не сказала, только бережно заправила за ухо дочери выбившуюся прядь.

Пришла очередь выходного платья. Оно было из бледно-голубого шелка, с умеренными рукавами «жиго» по моде позапрошлого года, сужающимися к запястью, и глухой кружевной вставкой на груди, переходившей в высокий воротник-стойку. Поверх корсета оно оказалось широким в талии. Мать взяла булавки и принялась быстро, уверенно скалывать лишние складки по боковым швам, подгоняя лиф по фигуре.

Вера осторожно, стараясь не сбить наметки и не уколоться, высвободилась из платья. Затем с помощью матери стянула корсет. Дышать сразу стало легко. На ребрах остались тонкие розоватые полосы от стальных пластин и шнуровки. Кожа под ними зудела, и Вера рефлекторно почесала натертые места сквозь тонкую бязь.

Двадцать шестого декабря к четырем часам за окном уже густели синие сумерки. Мама испекла праздничную сдобу – в их комнатах пахло ванилью и дрожжевым тестом. В большой комнате, служившей и столовой, и мастерской, и спальней матери, в ведре с песком стояла маленькая елочка. Мать купила ее на стихийном базаре у Храма под самый вечер Сочельника, когда торговцы сбрасывали цены втрое на остатки. Елка пахла хвоей, густой смолой и корой. На средних и верхних лапах висели несколько украшений: завернутые в фольгу грецкие орехи, картонажные фигурки ангелов и лесных зверей. В углу над комодом теплился янтарный огонек лампады. От него пахло разогретым маслом и ладаном.

Корсет сегодня затянулся легче. Вера застегнула стальные крючки на груди и позвала мать затянуть шнуры. Голубое платье поверх корсета село идеально – накануне мать ушила лиф по бокам, и теперь шелк облегал фигуру точно, без единой складки. Наклоняться в этом наряде следовало осторожно, сидеть – прямо, как струна, а дышать – коротко, верхушками легких.

Вера расчесала длинные волосы и долго смотрела в зеркало, раздумывая, какую прическу сделать. Укладывать волосы по-взрослому – высоким узлом, с валиками и шпильками – она толком не умела, да и не хотела на балу походить на их бывшую классную даму. Заплести косы как обычно? Когда все явятся с пышными модными прическами?

И она решилась.

Она достала из шкатулки несколько маминых шпилек – длинных, с потускневшими перламутровыми головками. Заколола волосы у самой шеи, уложив их в низкий, тяжелый греческий хвост – так, чтобы темная масса струилась из пучка черным водопадом. Потом отступила на шаг и оглядела себя со всех сторон. Формально придраться не к чему: волосы убраны от лица, шпильки держат основание. Но из-за длины прическа выглядела непривычно, немного дерзко – при каждом движении волосы живым шелком перекатывались по лопаткам. «Цыганский хоровод», как выразилась бы Мария Павловна.

Всплыла мысль: а что, если кто-то посмотрит на нее сегодня по-другому? Не мельком, как у библиотеки, а по-настоящему заметит ее?

Мать вошла без стука. Она долго смотрела на дочь. Ее вечно озабоченный, усталый взгляд вдруг смягчился и стал теплым, домашним.

– Ты такая красивая, – тихо произнесла она.

Вера встретилась с ней взглядом в зеркале.

– Я такая – я.

Мать кивнула, подошла ближе и расправила крошечную складку на плече. Мягко коснулась узла у затылка. Поцеловала дочь в макушку и вышла, прикрыв за собой дверь.

Вера надела пальто, повязала тонкий шерстяной платок и шагнула в коридор. Спускаясь по деревянной лестнице, она на секунду прижала ладони к ребрам сквозь плотное сукно, проверяя, сможет ли она дышать в корсете на морозе. Она вдохнула насколько позволяла шнуровка и вышла на крыльцо.

*

Актовый зал сиял. Под высокими сводами горели тяжелые люстры с электрическими лампами в матовых плафонах, заливая теплым желтоватым светом начищенный до блеска паркет и огромный парадный портрет царя в золоченой раме над эстрадой. На самой эстраде, рядом с роялем, высилась наряженная елка: золотые орехи, свечи, игрушки из папье-маше и картона и блестящая мишура, которая кое-где уже осыпалась на пол. Пахло хвоей, мандариновой кожурой из ученических кульков и воском от свечей, капавших с веток на паркет. За роялем сидела таперша – пожилая немка в кружевной наколке. Она негромко перебирала клавиши, пробуя инструмент, и первые аккорды вальса уже разносились над залом.

Девушки жались друг к другу, образуя стайки. Они были одеты в белые, голубые и светло-зеленые платья из муслина, батиста или тонкой кисеи. У всех были высокие прически – с локонами, шиньонами и гребнями с фальшивыми жемчужинами. Стоял привычный гимназический гул: негромкий щебет, шорох юбок и тихие смешки. Раздавались негромкие возгласы:

– Смотри, Коля все-таки пришел! И товарища своего из Пятой привел, видала?

– Гляди, это же брат Риточки, из Катковского лицея!

– Посмотри на Баранову... Ну и вырядилась. Словно на свадьбу пришла, а не на бал. Классная дама ее за этот вырез точно сотрет в порошок.

В зал уже явились первые кавалеры в темно-синих мундирах – те, кого девчонки сумели дозваться по личным билетам. Никто из них не смел шуметь под немигающими взглядами инспектора и классных дам. Юноши держались с напускным равнодушием и демонстративно подпирали косяки, сбившись у входа в плотную суконную кучу. Те, что постарше – семнадцатилетние выпускники с намечающимися усами, – свысока оглядывали море платьев. Они то и дело поправляли ремни с латунными бляхами, вполголоса подтрунивали друг над другом и всем своим видом показывали, что казенный вечер их ничуть не занимает, а девичий переполох им глубоко безразличен.

Вдоль стен стояли классные дамы и учительницы, бдительно следившие за каждым движением воспитанниц. Председатель педагогического совета – грузный чиновник учебного округа в парадном вицмундире с золотым шитьем на воротнике и орденом на шее – о чем-то негромко переговаривался с начальницей гимназии. Оба поглядывали на молодежь с напряженным, оценивающим прищуром. Пока все шло благопристойно, но начальство оставалось начеку.

Вера вошла в зал. Она оставила валенки в гардеробе и переобулась в легкие туфли из тонкой кожи с перемычкой. Шаги по натертому паркету казались скользящими, невесомыми.

Из их немногочисленного педагогического класса на вечер, похоже, никто больше не явился. Девицы из седьмого класса посматривали на нее настороженно. Ее статус воспитанницы педагогического класса не позволял им открыто шушукаться или коситься, поэтому они лишь проводили ее долгими взглядами.

В своем скромном голубом платье Вера не выделялась бы из толпы, если бы не ее волосы, достающие до поясницы. Две классные дамы синхронно поправили очки, глядя на нее. Анна Владимировна, стоявшая у белой колонны, едва заметно кивнула Вере.

Вскоре явился Сергей. На нем был темно-синий гимназический мундир с серебристыми пуговицами, подчеркивающий стройную фигуру. Он сразу отыскал Веру взглядом и направился к ней через весь зал, по пути кивая одноклассникам.

– Вот ты какая, оказывается, Белоснежка, – усмехнулся он. – В сказке про такую длину не предупреждали. Ты только держись подальше от яблок. Уснешь прямо на паркете, а у нас вальс на очереди.

– Я бы, может, и отравилась яблоком, но внутри места осталось ровно на один вдох, – улыбнулась она.

Немка-таперша взяла первые аккорды полонеза, открывающего бал. Сергей шутливо поклонился, предлагая ей руку, и Вера, положив ладонь на его суконный рукав, шагнула вместе с ним в чинно двинувшуюся колонну пар.

Потом заиграли быструю, прыгучую польку. Вере сразу пригодились мамины уроки. Жесткий корсет по-прежнему не давал вздохнуть полной грудью, но ее так увлек быстрый ритм, что она почти перестала об этом думать.

Следом раздались звуки знаменитого вальса «Над волнами». Сергей вел уверенно, естественно. Он держал строгую дистанцию, и все же Вера то и дело ловила на себе его взгляды – быстрые, брошенные украдкой. Она на миг прикрыла глаза. Вспоминалось, как в рождественские каникулы мама заводила купленный еще при отце граммофон и кружила ее по комнате, приговаривая: «Запомни, дочка, вальс – это не шаги, это общее дыхание. Если дышишь с партнером в такт, вы никогда не собьетесь».

С Сергеем они дышали в такт. И когда на повороте его ладонь чуть плотнее прижалась к ее затянутой в корсет талии, Вера не поняла, случайность это была или нет.

Затем распорядитель бала объявил финальный котильон. Пары постоянно перемешивались: по знаку распорядителя кавалеры переходили от одной девушки к другой. Рисунок танца ломался каждую минуту, принося Вере новые лица, чужие форменные пуговицы и незнакомые руки.

В первую фигуру она вступила с Сергеем. Потом ее подхватил долговязый гимназист, который старательно шевелил губами, считая про себя такты, и все равно сбивался; Вере приходилось едва заметно направлять его, чтобы не сломать общий круг. Третьим был сын председателя педсовета – тот вел правильно, но с таким лицом, словно отбывал повинность.

Вера улыбалась всем одинаково вежливо, но краем глаза следила за суконной толчеей у дверей.

Распорядитель подал знак к завершению, и Сергей, по правилам игры, снова перехватил ее руку. Они сделали прощальный круг по залу, и он проводил ее к стене. Он негромко произнес, поправляя стоячий воротник мундира:

– Илья решил не приходить. Я заглядывал к нему утром. Он сидит над латынью, как монах над псалтырем. Реймер назначил ему дополнительную проверку на завтра. Говорит, без его поручительства казенного места не видать.

Вера кивнула.

– Я знала, что он так решит.

– Не сердись на него, – начал Сергей, и его лицо было непривычно серьезное. – Он… совсем другой. Понимаешь, для него бал – это не отдых, а еще один экзамен.

– Я не сержусь, – тихо ответила Вера. – Я просто… ждала.

Они помолчали.

– Ты сегодня… – начал Сергей. – Тебя прямо не узнать. Ты как с картинки.

Вера подняла на него взгляд, и он вдруг смутился, отвернулся и принялся усердно сдвигать пальцами тяжелую латунную бляху ремня.

Классные дамы тем временем уже начали собирать воспитанниц. Праздник заканчивался.

Вера накинула пальто и вышла на крыльцо. Морозный воздух перехватил дыхание. Она сделала глубокий вдох, и жесткий корсет больно сдавил ребра.

Над Москвой стояло черное звездное небо – такое глубокое, что, казалось, в него можно упасть, просто запрокинув голову. На перилах пушистыми шапками лежал снег, искрящийся в желтом свете фонарей.

Внутри было пусто, как в комнате, из которой вынесли мебель.

Сергей бесшумно появился рядом. Он был в шинели, с обмотанным вокруг шеи шарфом. Он протянул ей сложенную записку.

– Он отдал мне это утром. Велел передать.

Вера развернула листок. На нем угловатым почерком было выведено:

«Не смогу. Двадцать седьмого дополнительная проверка у Реймера. Без его поручительства казенного места не будет. И.»

Она прочитала строки дважды. Потом аккуратно сложила бумагу по старым сгибам и спрятала в карман.

– Он что, не мог прийти на час? – спросила она.

– Мог бы, – вздохнул Сергей. – Но… он не умеет быть легким.

Он замолчал, разглядывая заиндевевшие фонари. Снег скрипел под его сапогами, когда он переминался с ноги на ногу.

– Просто… он не такой, как мы, Вера. Он не умеет сворачивать. Видит цель – и идет к ней по прямой.

Он помолчал.

– А мы с тобой… можем иногда просто гулять по бульвару. Без всякой пользы.

Вера промолчала. Она взяла его под руку, и они пошли вниз по ступеням. Вдоль тротуара уже выстроилась цепочка извозчиков, поджидающих гостей вечера. Сергей уверенно подозвал ближние легковые сани и помог ей сесть.

Внутри было тесно, пахло лошадиным потом, сухим сеном и холодом. Извозчик обернулся и натянул поверх их колен тяжелую суконную полость. Сергей поправил край плотной ткани, укрывая их ноги, и на мгновение задержал ладонь на ее пальцах.

– Знаешь, – сказал он негромко, когда сани тронулись, – а ведь ты сегодня... В общем, все эти кисейные девицы так суетились, волновались. А ты шла по залу, и… Ну, словно тебе весь этот казенный блеск даром не нужен. Так спокойно, просто. Красиво было. Да.

Вера повернула голову в его сторону.

– Спасибо, – сказала она просто.

Сергей кивнул и отвернулся, глядя на пролетающие мимо темные фасады особняков.

– Передал я ему твой подарок на день рождения, – сказал он уже своим обычным тоном. – Утром еще. Положил на край стола, рядом с чернильницей. Он даже не спросил, от кого. Просто кивнул. Но мне показалось… взгляд у него на секунду потеплел, что ли.

Вера не ответила, разглядывая проплывающие высокие заборы.

Дома она аккуратно сняла голубое платье, бережно повесила его в шкаф и расшнуровала корсет. И остро ощутила свободу. Глубокий вдох. Еще один. Как хорошо. На ребрах алели и зудели тонкие полосы. Они скоро пройдут, а память останется.

Вера расчесала волосы, накинула халат и села за стол. Обмакнула перо в чернильницу, занесла над чистой страницей дневника и замерла.

О чем писать? О танцах? О том, как смотрел Сергей? О том, что Илья не пришел?

Она вывела четким почерком:

«26 декабря. Рождественский вечер в гимназии. Танцевала много: польку, вальс и котильон. Сергей пришел, танцевал хорошо. Смотрел на меня сегодня совсем иначе. Илья не пришел. Так и должно быть».

Поставила точку. Помедлила. И добавила ниже:

«Его не было, а я весь вечер думала о нем. И мне теперь кажется, что эта его латынь честнее и больше нашего праздничного блеска».

*

Пока Москва шумно праздновала, Илья сидел над раскрытым учебником. Латинские буквы давно перестали складываться в слова и просто чернели на шершавой бумаге.

Справа от него лежала тетрадь в плотной серой обложке. Он вновь взял ее в руки и бережно открыл. На первой странице, в верхнем углу, аккуратным почерком было выведено: *«25.XII.1901»*.

И ниже:

«Для твоих будущих задач. Тех, которые не решить по учебнику».

Он прикрыл глаза. За веками возник теплый свет, зеленая листва и деревянная скамья на Пречистенском бульваре. Она сидит рядом, глядя в задачник, и прядь вьющихся волос падает ей на щеку. Он тогда чуть было не протянул руку, чтобы убрать ее.

Илья тряхнул головой. Хватит. Скоро выпускные экзамены, поступление. Все эти воспоминания – слабость, которую он не может себе позволить. Он закрыл тетрадь, отложил ее на край стола и снова склонился над открытой книгой.

Пять копеек на Луну

Гимназия осталась за спиной. Дверь закрылась, и Вера замерла на холодном пороге, не зная, что делать дальше.

Свидетельство на звание домашней наставницы лежало в шкатулке, поверх аттестата, веточек лаванды и записки от Сергея:

«Поступил на юридический. Отец рассудил, что юрист при лавке всегда пригодится, так что спуска не дает: утром я студент в мундире, а после обеда – стою за прилавком, подменяю Прохора да упаковываю товар господам. Как ты? У отца опять сердце пошаливает, доктор велит держать в полном покое, да где его взять при нашей торговле? Напиши, Вера, если… если выкроишь время. С.»

Вера не ответила сразу. Просто не знала, что писать. «Хорошо» было бы ложью, «плохо» – звучало бы как жалоба.

Лето после педагогического класса пролетело незаметно, как обычные каникулы. Но осенью, когда привычная гимназическая структура дня исчезла, дни потянулись однообразно: распарывание старых вещей, обметывание швов и петель, бесконечная глажка тяжелым утюгом. Чтение, уборка, помощь матери по хозяйству. Вера разворачивала стул спинкой к окну, садилась на него и, облокотившись на гладкую деревянную планку, часами смотрела на улицу.

За еще не заклеенными на зиму рамами лежал конец сентября. От щелей тянуло холодом, стекло изнутри покрывалось сизой влагой. Вера дышала на него, глядя, как за мутным белым пятном пропадает дворник Федот в своем холщовом фартуке поверх ватной поддевки. Он монотонно скреб метлой, сгребая мокрые желтые листья в кучу. Вера медленно водила пальцем по стеклу, прорезая короткие прозрачные полосы. На дальней стороне двора, у сараев, в железной бочке жгли листья – горький дым столбом уходил в серое небо и проникал сквозь щели в комнату.

Мать работала с утра до ночи. Утром уходила на Петровку, на подработку в тесную мастерскую модистки. После обеда, если случались уроки танцев, бегала по ученицам. По вечерам – снова шитье, уже дома на «Зингере» при керосиновой лампе, пока глаза не начинали слезиться.

Вера помогала: обметывала петли, наметывала подол или рукава, пришивала пуговицы, распарывала старые швы – делала всю ручную работу, для чего не требовалась швейная машинка. В свободные часы гуляла по бульвару или забирала книги в Румянцевской библиотеке. Все ждала какого-то знака или сигнала к началу собственной жизни, но не понимала, как он должен прозвучать и откуда ему взяться.

«Почему я не радуюсь свободе? – думала она, глядя, как на стекле бегут и пересекаются мокрые дорожки. – Почему мне хочется назад, в тот класс, где все было предсказуемо: звонок, урок, вопрос, ответ?»

Спустя неделю Вера все же оставила Федоту конверт вместе с тремя копейками за труды:

«Спасибо. У меня все по-старому. А у отца как здоровье? В.»

Через день Сергей ответил:

«Плохо. Сердце, как говорит доктор, совсем изношено. Но держимся. Спасибо, что спросила. Мне это очень дорого. С.»

Вера перечитала записку, аккуратно сложила ее и спрятала в шкатулку. Снова молчание. Прошел сентябрь, начался октябрь.

Однажды поздно вечером, уже лежа в постели, Вера думала о Катюше Масловой – толстовское «Воскресение» лежало у нее под подушкой. Книгу ей дала почитать приятельница из педагогического класса: библиотекарь Анна Семеновна, поджав губы, объявила, что «девицам читать такое совершенно не следует».

«Ее ведь не спросили, – думала она, глядя в белеющий в темноте потолок. – Соблазнили в шестнадцать лет, бросили – и все, дальше крутись как знаешь, только бы не умереть с голоду. И никого не волнует, какая ты внутри. Ломают просто потому, что ты беззащитная и без копейки. А если я откажусь идти по этой предсказуемой казенной дорожке? Если выберу курсы, буду зарабатывать сама? Хватит ли у меня сил – или я так же упаду, только с книгами в руках?»

Вера закрыла глаза, чувствуя, как к горлу подступает жесткий комок.

В другой вечер она раскрыла принесенные из библиотеки «Записки из подполья». Дошла до строчки*«Я-то один, а они-то все»*. Вера повторила фразу про себя, чувствуя странное, горькое узнавание. Эти слова словно оправдывали ее собственное одиночество и ту глухую стену, которую она строила вокруг себя все эти месяцы.

– Да, я странная, – подумала она, задувая лампу и ложась в постель. – Но я – это я. И этого должно быть достаточно для начала.

Бывшие одноклассницы присылали записки. Вера перебирала открытки, исписанные фиолетовыми чернилами, и каждый раз внутри шевелилось раздражение.

«В субботу у нас журфикс. Приходи! Будет чай с сушками, потанцуем падекатр под граммофон. Надя покажет новые открытки из Парижа».

«Нас с Сонечкой позвали на благотворительный вечер к Костроминым – там будут сыновья Шапошникова. Говорят, старший – завидный кавалер, отец ему уже долю в деле выделил. Матушка велела выпустить лиф в боках. Приходи в четверг, Верочка, поможешь сколоть, у тебя ведь глаз верный. А твое голубое еще носится? Приходи, примерим вместе».

«Приходи на чай – может, познакомишься с кем? Друг Миши приезжает из Питера. Он инженер путей сообщения. Мама говорит, он очень многообещающий молодой человек».

Вера отвечала всем одинаково вежливо и одинаково уклончиво:

«Спасибо за приглашение, но, к сожалению, не могу. Много занятий. Готовлюсь к курсам».

На самом деле она просто бродила одна по городу. Москва заменила ей подруг. Вера доходила пешком до Пречистенских ворот, за три копейки поднималась на открытый империал синего вагона конки и ехала на крыше, втиснувшись между студентами, мастеровыми и курсистками, пряча лицо в толстый вязаный шарф от промозглого ветра. Проезжала по мокрой, усеянной гниющими листьями и серой кашей от смеси грязи и первого снега мостовой мимо Волхонки и Моховой до самого Охотного Ряда, оттуда сразу сворачивала на Тверскую и шла наверх по улице, разглядывая витрины, вывески и лица.

Улица слепила роскошью и электрическим светом. В зеркальных витринах магазина Елисеева в янтарном свете огромных хрустальных электрических люстр красовались пирамиды из апельсинов, экзотических ананасов и кокосов, стройные ряды бутылок шампанского, кадки с икрой и целые головы сыров. Под непрерывный глухой стук копыт и шуршание резиновых ободов по выложенной торцами мостовой мимо витрин прогуливалась нарядная публика в мехах и дорогих пальто, пахнущая табаком и духами. На углу строго поглядывал на толпу усатый городовой в черной шинели и мерлушковой шапке.

В другие дни она подолгу сидела на той самой скамейке на Пречистенском бульваре, где они когда-то занимались с Ильей математикой. На соседних скамьях часто собирались студенты. Они спорили о чем-то, размахивая руками, и передавали друг другу папиросы. До нее долетали обрывки фраз о Ницше, о Марксе, о Горьком. Иногда спор переходил в дружный хохот.

Вера сидела неподвижно, боясь шевельнуться, чтобы ее не заметили. Ей хотелось быть здесь, среди этого гомона и табачного дыма. Эта свобода тянула и приковывала внимание вопреки всему. В ней ощущалось что-то настоящее, то, чего не было на тоскливых журфиксах у Нади.

В этот раз ее заметили. Один из студентов – в распахнутом пальто, с жидкой бородкой клинышком – кивнул в ее сторону, и разговор разом стих. Головы в фуражках сразу повернулись к ней. Несколько секунд студенты молча рассматривали Веру – пристально, с любопытством, точно диковинку. Потом бородатый спросил: «Не замерзли, барышня?» И, усмехнувшись, добавил: «Шли бы к нам, у нас весело». Кто-то хмыкнул, другой толкнул его локтем.

Юноши не поднимались с мест, не зазывали настойчиво – просто смотрели и вполголоса переговаривались. В их движениях и взгляде сквозила уверенность людей, которые считают себя хозяевами этого бульвара. А она была просто чужой, случайной тенью.

Вера подобрала свой старый ридикюль и, не поднимая глаз, медленно пошла прочь. За спиной слышался приглушенный гомон, кто-то рассмеялся – уже над чем-то своим.

Дома пахло разогретым утюгом и распаренным полотном. Складывая выглаженное белье в ровные стопки, мать обронила негромко, как бы между делом:

– У Аросимовых, слышно, совсем дела плохи. Старый купец взял ссуду в банке под залог лавки. Если к апрелю не выпутаются – все пойдет с торгов. На Ильинке на Бирже купцы уже шепчутся, выжидают.

Вера, пришивавшая в этот момент костяную пуговицу к чужому платью, замерла. Мать откинула тяжелую деревянную крышку «Зингера» и села за стол, оправляя под собой домашнюю суконную юбку. Колесо мягко крутанулось.

– А Сергей… он тебе еще пишет? – спросила мать, натягивая нить.

– Пишет. Иногда. Спрашивает, как дела.

– А ты?

– Отвечаю. Коротко.

В ответ машинка мерно застрекотала.

– Он юноша умный. И… прямой. Честный, – продолжала мать. – И он… видит тебя. Не платье твое, не прическу. А именно – тебя.

Вера не нашлась, что ответить. Сердце сжалось: а что, если Сергей и есть ее единственный шанс на нормальную, понятную жизнь? Что, если она, гоняясь за своей призрачной самостоятельностью, упускает этот шанс?

– Мама, – сказала она, не поднимая глаз от работы, – я не хочу, чтобы во мне видели только невесту.

– А кем же мне тебя видеть? – мягко спросила Лидия Григорьевна, подняв на нее взгляд. – Ты ведь не книга на полке, душенька. Не математическая задача. Ты – живая девушка. Господь дал тебе глубокий ум, а жизнь… жизнь твоя еще и не началась толком. А ведь начинается она там, где ты больше не одна. Где вас двое.

Вера ушла к себе. Зажгла лампу, открыла дневник и вывела:

«Я не хочу выбирать: быть мне книгой, задачей или просто девушкой. Я хочу быть всем этим сразу».

Так шли дни. В конце октября, в серый ветреный день, Вера зашла в мелочную лавку на углу Остоженки. Там пахло керосином, соленой селедкой и серым хозяйственным мылом. Она выбрала катушки, и в этот момент со стороны входа звякнул колокольчик.

На порог шагнул Сергей. На нем было темно-зеленое форменное пальто, в руке – фуражка. Увидев Веру, он улыбнулся своей открытой улыбкой.

– Вот так встреча, – сказал он просто. – Ты здесь как?

– Нитки маме покупаю, – ответила Вера, чуть отступая в глубину лавки.

Сергей кивнул, глядя на ее нитки, потом скользнул взглядом по приказчику, который внимательно рассматривал записи в гроссбухе.

– А я за солью. Отец послал, дома соль кончилась, а мы же ею не торгуем. Вот и бегаю, – коротко усмехнулся он. – Курьер, а не студент.

Они помолчали. За окном прогрохотала телега, зацокали копыта. Сергей спросил тише, уже серьезно:

– Ты как вообще? Я писал, да ты не отвечаешь подолгу. Я все понимаю – занятия, подготовка к курсам. Просто… хотелось знать.

Вера чуть заметно выдохнула.

– Все по-старому, – ответила она. – Маме помогаю, читаю, занимаюсь много. Времени совсем в обрез.

Он понимающе кивнул.

– А у меня – сама знаешь. Университет, лавка, отец хворает. Жизнь, словом, крутит. – Он усмехнулся углом рта. – Встретиться бы нам когда-нибудь не за солью, что ли. Но это уж как получится.

Приказчик демонстративно громко стукнул костяшками счетов. Сергей шагнул в сторону, уступая Вере дорогу к выходу.

– Передавай маме привет, – сказал он. – И береги себя.

– И ты береги, – ответила Вера и вышла на крыльцо.

Ветер задувал за воротник, пахло сыростью, дегтем, навозом в стыках камней, печным дымом и рассолом от селедки. Она быстро зашагала к своему переулку. Встретились. Поговорили. Все хорошо.

*

Прошло еще несколько дней шитья, чтения и домашних дел. Наконец Вера произнесла за ужином, отставив чашку:

– Мама. Я решила. Весной буду подавать прошение на Женские курсы.

Лидия Григорьевна не подняла глаз от своей чашки. Спросила прямо:

– А после них – что?

– Буду учительницей в гимназии. Или… брать переводы для журналов.

– А кто возьмет на место девушку без связей, без протекции? – тихо, будто извиняясь за свои слова, спросила мать. – Я в твои годы тоже верила, что талант – это пропуск к своему делу. Папа с мамой заплатили последние деньги за уроки у лучшего танцмейстера в Одессе. Меня приняли в театр, у меня появились свои ученицы… Я думала: вот он, мой верный капитал. Потом я вышла замуж за твоего отца и переехала сюда. А потом твоего отца не стало. И весь мой «капитал» испарился в один день. Все вокруг спрашивали: «Без мужа – кто вы такая? Бывшая артистка? Учительница танцев?» Никто не спросил: «А вы – человек?»

Она помолчала. Потом добавила уже ровным голосом:

– Курсы – это хорошо. Но за полугодие ведь надо выложить двадцать пять рублей вперед, а у нас за комнату платить нечем.

– Я буду зарабатывать сама, – упрямо произнесла Вера. – Могу давать частные уроки. Мы можем шить вместе, брать больше заказов.

Мать помолчала, словно раздумывая. Потом произнесла:

– У Марьи Ивановны с первого этажа дочка не может написать сочинение про Базарова. Стыдно, выпускной класс. Может, поможешь? И у Татьяны Николаевны из дома напротив племянник пишет как курица лапой.

– Сколько брать?

– Начни с полтинника за час. Пусть привыкнут, увидят результат. Если понравится – сами начнут платить больше.

Первый урок был у Кати – дочери Марьи Ивановны. Это была толстая, застенчивая девочка с вечно влажными от волнения ладонями. Собираясь на урок, Вера надела свое самое приличное серое платье с воротником-стойкой. Посмотрела на себя в зеркало, вздохнула и полезла в комод за корсетом. Она шла туда не как Вера, а как Вера Петровна, учительница.

Она затянула корсет несильно. Сверху надела платье, сшитое по ее обычным меркам. Теперь, когда талия сделалась тоньше, между сукном и телом осталось немного воздуха – ткань не облегала, а лишь угадывала фигуру.

Вера спустилась по темной деревянной лестнице, освещенной прикрученной коридорной лампой. Постучала в дверь на первом этаже. Открыла сама Марья Ивановна – полная, гладко зачесанная блондинка, пахнущая духами от «Брокара».

– Ах, Вера Петровна, здравствуйте! Проходите! Катенька, иди скорей, учительница пришла!

Вера вошла в комнату. Все поверхности, включая кресла, были накрыты белыми вязаными салфеточками, а в красном углу, на деревянной полочке, стояла икона, перед которой висела лампада на цепочке. Катя сидела за столом у окна, розовая от волнения.

Час прошел на удивление быстро и гладко. Вера ничуть не волновалась – говорила спокойно, терпеливо, шаг за шагом разбирая с ученицей образ Базарова. Катя сначала робела, но постепенно осмелела и под конец записала в тетради вывод: *«Базаров благороден, потому что не лжет даже себе».* Подняла глаза на учительницу.

– А вы правда так думаете, Вера Петровна? Или это только для урока, чтобы словеснице угодить?

Вера невольно улыбнулась:

– Правда. Но я думаю еще вот что: Базаров благороден в своем упрямстве, но, отрицая любовь и искусство, он добровольно отказался от жизни и обокрал самого себя. Можно ли сохранить душу, так себя ограничив? Подумайте об этом. На следующем уроке обсудим.

Катенька кивнула. Марья Ивановна проводила Веру до деревянной двери, вручила ей теплую, чуть влажную монету. Произнесла вежливо:

– Вы очень умно объясняете, Вера Петровна. Но, знаете… платье ваше – оно немного… слишком свободного покроя.

– Благодарю вас, – ровно ответила Вера. – Я учту ваше замечание.

В своей комнате она расшнуровала корсет и с облегчением сняла его, точно сбросила тяжелые стальные доспехи.

Вера подошла к окну. По мокрому сумеречному переулку шла курсистка в коротком пальто и вовсе без шляпы. Ветер трепал ее темные волосы до плеч. Вера смотрела ей вслед, пока фигура девушки не скрылась за поворотом.

*

Вскоре нашлись новые ученики: сыновья доктора Рогова. Младший, приготовишка Витя, постоянно ломал стальные перья и сажал огромные кляксы, а старший – толстый, застенчивый гимназист-пятиклассник Сеня писал диктанты с ужасными ошибками и вечно путал реформы Александра Второго с манифестами Александра Третьего. И еще – реалист Петя, племянник маминой знакомой, писавший «по-китайски». Еще одна ученица, гимназистка шестого класса Люда, продержалась только две недели: ее мать рассудила, что девице излишняя ученость ни к чему, лишь бы замуж выйти.

Вера записывала каждый заработанный целковый и каждую копейку:

«Ноябрь 1902: Катя – 4 занятия = 2 рубля. Петя – 3 занятия = 1 рубль 50 копеек. Люда – 2 занятия = 1 рубль. Сеня – 4 занятия = 2 рубля. Витя – 3 занятия = 1 рубль 50 копеек. Всего 8 рублей».

Расходы она записывала в соседнем столбце: гривенник – на писчую бумагу, пятачок – на леденцы. На конку старалась не тратиться – ходила пешком. Но когда на улицу обрушивался ливень, приходилось платить пятак, чтобы укрыться внутри синего вагона, и каждая такая трата жгла руки.

К середине декабря младший Рогов бросил занятия, и Вера вела счет уже только троим постоянным. После Рождества и каникул Катя заболела, Петя уехал в Подмосковье в гости к родственникам. Январь принес всего три рубля с мелочью.

А февраль наступил пустой. Началась масленичная неделя – и на занятиях можно было ставить крест. Ученики в эти дни думали только о блинах, катаниях с ледяных горок и балаганах на Девичьем поле.

Масленицу они с мамой тоже отмечали – по-своему, тихо. О блинах с икрой и жирной сметаной оставалось только мечтать. Но мама заводила тесто на гречневой муке и пекла на старой чугунной сковороде тонкие блины. Вера разводила засахарившееся брусничное варенье кипятком – так получался сладкий соус, – и они садились за стол.

– Ничего, Верочка, – говорила мать. – В марте одумаются, к весенним экзаменам ведь готовить надо будет. А пока... пока будем тянуть.

Во время Масленицы Москва заговорила о костюмированном петербургском бале. Все только и говорили о том, что в Зимнем дворце давали маскарад, и вся знать явилась в платьях времен царя Алексея Михайловича, в парчовых боярских шубах и кокошниках в жемчуге. Сам царь вышел взолотом кафтане, царица – в древнем венце. Говорили, что в Эрмитажном театре давали сцены из «Бориса Годунова», танцевали до самого утра, а бриллиантов на гостях было столько, что от блеска слезились глаза.

– А графиня Воронцова-Дашкова, слыхали? – щебетала в лавке в очереди за керосином какая-то мещанка в поношенном лисьем салопе. – Нарочно из Петербурга приезжала, платье у самой Ламановой заказывала! А у княгини Юсуповой – сказывают, один только наряд в три тысячи целковых обошелся, и сама была вся в драгоценных камнях, точно икона…

Вера слушала эти разговоры, прижимая к боку пустую жестянку для керосина. Три тысячи. Десять лет ее ежедневных уроков. Столько же лет изнурительного маминого труда. И все это – ради одного-единственного вечера, чтобы походить на боярыню, которой никогда не существовало.

Иногда, отложив несколько копеек, Вера заходила в подвальный иллюзион рядом с Лубянской площадью, где за пятачок крутили «движущиеся картинки». Вход в синематограф был прямо с улицы. К витринному стеклу клейстером были приклеены печатная программа и литографская афиша. Клейтер промерз и пошел мелкими трещинами, бумага отошла по краям; сухие, отклеившиеся углы афиши глухо постукивали на ветру по стеклу. На афише из правого глаза круглой человеческой Луны торчал чугунный снаряд.

У входа прихрамывающий мальчишка-контролер, в чужом, широком в плечах пальто быстро оглядывал ее: «Одна?» – и, получив молчаливый кивок, отрывал узкий бумажный билетик. В зале было темно и душно, пахло сыростью, мокрым сукном от одежды и горячим озоном от шипящих углей проектора из окошка будки. Вера садилась на самые задние скамьи – там было дешевле всего. Когда свет гас, тапер у экрана начинал яростно лупить по клавишам, а на белом полотне мелькали кадры.

«Путешествие на Луну» Мельеса она смотрела два раза. Ученые астрономы в цилиндрах забирались в пушечный снаряд, который летел сквозь звезды и вонзался Луне прямо в правый глаз. Луна на экране кривилась, и этот ее человеческий, сердитый взгляд долго не выходил у Веры из головы. А потом приходилось выходить из подвала на морозную улицу – и снова быть собой. Пять копеек на Луну – а обратно бесплатно.

Февраль тянулся медленно: уроки, заполнение требований на новые книги и бесконечная, отупляющая работа дома. Мама пустила Веру к «Зингеру», но доверяла только самую простую работу – гнать подгибы на оборках для нижних юбок. Потом Вера сшивала мелкими косыми стежками суконную подкладку с жестким конским волосом для подолов и лифов жакетов. Часами распарывала старые вещи для перелицовки – в воздухе кружилась пыль и слежавшаяся шерсть, попадая в нос и горло. Пальцы покрылись мозолями от вечных уколов.

В один из вечеров Вера достала из шкатулки бумагу и написала:

«Сережа, может, сходим в синематограф? В.»

Она перечитала записку. И увидела эти слова глазами Сергея – увидела ту надежду, которую они могли в нем вызвать. Он и так смотрел на нее на балу иначе. Для него она сейчас – связь с прежней гимназической жизнью, когда они втроем гуляли по бульвару и смеялись над пустяками. Послать записку было бы жестоко. Даже если просто хочется увидеть его дружелюбное открытое лицо, услышать голос, не имеющий отношения к чужим урокам.

«Я не могу, – подумала она с досадой. – Не могу сейчас ни с кем сближаться. Ни с ним, ни с…»

Она сложила листок несколько раз, подошла к голландке и приоткрыла чугунную дверцу. Огонь мгновенно схватил сухую бумагу. Слова почернели, свернулись и превратились в серый пепел.

«Прости, Сережа, – подумала она. – Не сейчас. Может быть, потом. Когда поступлю на курсы, тогда и поговорим».

Всего несколько месяцев – и она подаст прошение на курсы. И будь что будет. А в синематограф она еще сходит. Если останутся лишние пять копеек.

Точка отсчета

С приходом весны жизнь катилась по прежним рельсам: Вера давала уроки, помогала матери с заказами и прятала заработанные монеты в шкатулку. Все маленькие радости, которые скрашивали ее жизнь в гимназии, остались в прошлом: шумные прогулки с подругами по бульвару с кружкой горячего сбитня, сайкой и кульком жареного мака с сахаром, катание на коньках на Девичьем поле под военный оркестр Хамовнических казарм. Из всех развлечений теперь осталась только библиотека.

Приходя туда, она забирала у конторки сразу стопку книг, предвкушая долгие вечера. Сначала взяла «Историю одного города» – чтобы посмеяться над карикатурными глуповскими градоначальниками. Но смеха не было. Это все творилось прямо сейчас, в ее родном городе.

Потом опять открыла «Отцов и детей». Ей хотелось спросить у Базарова: «Ну вот вы упрямо отрицали все вокруг – и к чему вы пришли? К пустоте и одиночеству?» Уже лежа в постели, Вера думала: неужели ее свобода, за которую она так цепляется, пахнет точно таким же холодом?

После этого она взялась за «Обломова». Она уже читала его когда-то и видела только смешной халат да лень. Теперь она понимала, почему он лежал. Ей вдруг почудилось, что на самом дне ее собственной души дремлет та же апатия.

Еще Вера взяла тринадцатый том «Истории России» Соловьева – про слом уклада старой Руси в эпоху Алексея Михайловича – для подготовки к курсам; «Сказки» Пушкина – просто чтобы отвлечься; и «Семейную хронику» Аксакова. Она читала про огромный, прочный вековой род, пустивший корни глубоко в землю, и ей становилось больно. В аксаковском мире люди держались друг за друга и стояли стеной перед любой бедой, а у нее не было ни теток, ни дядей, ни бабушек с дедушками. Только мама, их бедный быт, стрекот «Зингера» и память об отце, который кашлял за ширмой.

Как-то раз, возвращаясь из Румянцевской библиотеки, она остановилась у лоточника возле Пречистенских ворот. Купила за две копейки сероватый бумажный фунтик с мелким монпансье.

– Чтобы не чувствовать себя совсем уж затворницей, – сказала она вслух и улыбнулась сама себе.

В другой день, спускаясь по ступеням библиотеки с новыми книгами в связке, Вера встретила Илью. Стоял апрель, солнце стояло высоко и слепило глаза. Наверху, на холме, снег уже растаял, лишь кое-где лежали грязные островки снежной каши, из-под которых бежали ручьи. Пахло сыростью от реки, оттаявшим навозом и черной влажной землей. Снизу доносилось мягкое, сочное шлепанье по лужам резиновых ободов «лихачей» и резкий грохот железных обручей «ванек». На старых липах шумно перекликались воробьи.

Илья поднимался наверх. На нем было темно-зеленое форменное пальто – облегченное, со снятой на весну ватной подкладкой. Сукно лежало иначе, подчеркивая разворот плеч и новую взрослую стать. Он стал еще выше, скулы и подбородок обозначились четче, под глазами залегли тени. Форменную фуражку он держал в руке. Отросшие каштановые волосы вились на макушке и золотились на свету. Под мышкой он сжимал толстый том в твердом переплете – анатомический атлас.

Илья поднял голову и увидел ее. Взгляд его на секунду застыл – словно он ждал этой встречи, но все равно оказался не готов.

– Здравствуй, – сказала Вера, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Здравствуй, – ответил он, слегка наклонив голову.

Они постояли молча. Ветер на высоте налетел со спины, затрепал полы его пальто и вывернул поля Вериной шляпы. Она придержала тулью свободной рукой.

За эти месяцы его образ в ее памяти успел поблекнуть. Но сейчас, глядя на него, она почувствовала себя так, словно та часть ее мира, которую она считала потерянной, вернулась.

– Как дела твои? – спросила она.

– Ничего. Первый курс кончаю. А у тебя?

– Тоже все по-старому. Даю уроки. Готовлюсь к курсам.

Илья снова кивнул. Вера незаметно перевела дыхание и плотнее обхватила связку. Не опустила глаза, продолжая смотреть на него спокойным взглядом. Ей слишком важно было остаться в его глазах той, что идет своей дорогой, к своей цели.

– Тяжело учиться? – спросила она, сама не понимая, зачем спрашивает.

– Тяжело, – признал он просто. – Латинская номенклатура эта бесконечная, зубрежка до полуночи… Но… захватывает. Когда начинаешь понимать, как устроено живое тело, как работают мышцы, сосуды, нервы – мир становится понятнее, что ли. Закономернее.

– Ты всегда хотел понимать, как устроено все кругом, – тихо сказала Вера. – Теперь будешь знать, как устроен человек.

Он слегка усмехнулся.

– Человек устроен куда сложнее, чем мир. Мир можно описать формулами. А человека… человека надо лечить. Или хотя бы не навредить ему.

Помолчали. Из-за здания донесся размеренный звон колокола – ударили к вечерне в Николе на Ваганькове.

– Ну, я пойду, – сказала Вера, перехватывая связку поудобнее. – Уроки ждут.

– Удачи тебе, – коротко ответил он.

Она кивнула и пошла вниз по ступеням, чувствуя его взгляд. Перейдя мостовую, Вера все-таки оглянулась. Илья стоял на том же месте и смотрел на нее. Встретившись с ней глазами, он отвернулся, поправил под мышкой громоздкий атлас и зашагал к дверям.

Дома она вывела в дневнике:

«2 апреля. Встретила Илью у библиотеки. Он – студент-медик, первый курс. Сказал: “Дела ничего”. Я ответила то же самое. И поняла: он уже – там. В своем будущем. А я все еще – здесь. Пытаюсь дойти до своего».

*

Вечером Илья долго ждал конку на углу Мясницкой. Но, рассудив, что три копейки до Пречистенских ворот – это полтора фунта ржаного хлеба, махнул рукой и пошел пешком. Спустился по Театральному проезду к Охотному Ряду, миновал Моховую, Волхонку и зашагал дальше, вглубь Пречистенских переулков.

Тяжелые сапоги с хрустом ломали тонкую корку апрельского льда. Вдоль улиц неровно горели газовые фонари; из-за сырости вокруг каждого рожка стоял дрожащий серый нимб. Лужи под ногами блестели, как мазут. Заборы отбрасывали на тротуар широкие черные тени. Иногда навстречу попадались одинокие прохожие; мимо глухо процокали по затянувшейся ледком мостовой подбитые шипами копыта и прохрустели резиной колеса одинокого «лихача». В сыром воздухе пахло навозом, мокрой штукатуркой от домов и кисловатой каменноугольной гарью от подвальных котельных.

Сегодня был урок у сына купца второй гильдии. Купец жил на втором этаже доходного дома прямо над вывеской своей галантерейной лавки. Отпрыск был неглуп, но ленился соображать. Илья объяснял ему словообразование неправильного глагола ferre. Он раскладывал устройство языка на составные части: как от одного корня расходятся десятки значений, а приставка меняет направление.

Пока гимназист корпел над упражнением, скрипя перьевой ручкой и бормоча правила под нос толстыми губами, Илья повернул голову в сторону окна. На город спустились сумерки. Фонарщик длинным шестом зажигал фонари один за другим.

И вдруг скулу под левым глазом прошило фантомной, тупой болью – так отчетливо, словно тяжелый угол книги врезался в кость прямо сейчас. Он непроизвольно дернулся верхней половиной тела. Ученик поднял на него выжидающий взгляд. Илья продолжил ровным голосом:

– Ты пропустил здесь связку. Смотри. Ferre – это основа, корень. Отсюда: affero – приносить, aufero – уносить, confero – собирать. Понимаешь механику? Приставка меняет направление, а основа остается прежней.

Ученик закивал, торопливо записывая. Илья смотрел, как кончик пера царапает бумагу, но мыслями был уже не здесь. Он думал о том, что она – есть. Ходит по этим же сырым переулкам. И упрямо пробирается наружу сквозь бедность, мещанские придирки и душные чужие комнаты. Ее стержень оставался цел.

Урок кончился. Мальчик захлопнул тетрадь и убежал в столовую ужинать. По всему дому разносился запах жареной рыбы и моченых яблок. Грузная купчиха в бархатном платье отсчитала Илье рубль с четвертаком – на десять копеек больше обычного.

– За усердие, – проговорила она, глядя куда-то мимо его лица.

Илья поблагодарил и спрятал монеты во внутренний карман тужурки. Там уже лежали полтора рубля, заработанные с утра у других учеников. Всего два рубля семьдесят пять копеек за один день. Апрель – самый прибыльный месяц: скоро переводные экзамены, и родители хватаются за голову. У него и самого на носу были курсовые испытания, так что приходилось выкраивать время по минутам, чтобы успевать повторять лекции.

Выйдя на улицу, он полной грудью вдохнул прохладный вечерний воздух. Домой отправился пешком и по дороге сводил в уме цифры. Казенная стипендия – восемнадцать рублей. Уроки принесут еще рублей двенадцать-пятнадцать. Итого около тридцати рублей. Минус двенадцать за комнату, да еще рубль нужно отослать матери в Егорьевск. Остается семнадцать. На прочие расходы необходимо уложиться строго в полтинник в день – и тогда к концу месяца останется небольшой запас.

В последнем письме мать писала: *«Макар Тихонович отошел в марте. Царствие ему небесное. Мы с Натальей Семеновной теперь вдвоем кукуем, она все спрашивает: “Как там Илюша?” Ждет твоих писем так же, как и я. Ты, сынок, деньги трать на себя, у нас тут все слава Богу.»*

Илья теперь жил в меблированных комнатах в Малом Левшинском переулке. В старом доходном доме его ждала комната номер десять. «Десятая палата», – как он иронично называл ее про себя.

Он поднялся на второй этаж и толкнул дверь в длинный темный коридор. Из-за тонких стен доносились звуки скученной жизни: надсадный кашель пожилого бухгалтера из девятой комнаты, приглушенный спор студентов-технологов из двенадцатой: «Ты Маркса не понял, он ведь про прибавочную стоимость… – А ты цену на сахар в лавке видел? Вот тебе и вся прибавочная стоимость!». А в одиннадцатой комнате было тихо – там жила молодая вдова Полина Сергеевна, наборщица из синодальной типографии. Должно быть, она уже спала, настоявшись до ломоты в спине среди наборных касс.

«Десятая палата» была узкой: шагов пять в длину и всего три в ширину. У стены стояла железная кровать с пружинным матрасом, над изголовьем высились книжные полки: массивный анатомический атлас Тольдта, купленный по случаю у выпускника-медика, учебники, лекционные тетради. На нижней полке особняком стояли художественные книги. В углу – умывальник с позеленевшей жестяной раковиной, мутное маленькое зеркало, у окна – заваленный конспектами стол.

За двенадцать рублей в месяц хозяйка давала только комнату. Стирал он сам по воскресеньям – в подвале для жильцов была устроена прачечная: два чугунных крана с ледяной водой и ржавый кипятильный куб. С едой тоже кое-как справлялся. Некоторые жильцы дого-

варивались с хозяйкой о полном пансионе, но десять рублей сверх платы за комнату оставили бы его без гроша. Поэтому он или ходил в студенческую столовую, где за двенадцать копеек давали щи и жирное жаркое, или готовил сам на общей кухне. На дрова жильцы скидывались сообща, и каждый ревниво следил, чтобы сосед не занимал конфорку дольше положенного. Илья научился самому простому: варил картошку в мундире и жарил яичницу на постном масле. За сложное не брался – боялся испортить продукты. Получалось не каждый раз: то подгорит, то пересолит.

Поздно вечером, когда Илья сидел над раскрытым учебником анатомии, лампа вдруг замигала. Пламя съежилось, побледнело, сползая к самому венчику горелки. Едко запахло гарью.

Он чертыхнулся про себя: забыл купить керосин днем, а лавка внизу уже заколочена. Свечи тоже все вышли. Без света оставаться было никак нельзя – завтра в восемь утра предстояло сдавать экзамен прозектору Алтухову, а в голове до сих пор была путаница: где tuberculum, где condylus, а где processus.

Он вздохнул, наскоро застегнул пуговицы тужурки и вышел в коридор – авось у кого-то из соседей найдется хотя бы полчашки до утра.

В коридоре пахло сыростью и махоркой. У входа горела единственная прикрученная керосиновая лампа. Илья уже занес было руку, чтобы постучать к технологам, как вдруг дверь одиннадцатой комнаты тихо приоткрылась, и в коридор вышла Полина Сергеевна.

На ней был темный ситцевый капот поверх ночной сорочки, в руках она держала пустой медный чайник – видно, шла на кухню к крану. При слабом свете он разглядел ее лицо: утомленное, с глубокими тенями под глазами. Из-под косынки выбивались чуть влажные пряди.

– Извините, – сказал Илья. – Керосин закончился. Не найдется ли немного отлить до утра? Завтра же куплю и верну.

Полина Сергеевна помедлила секунду, кивнула и вернулась к себе. Илья стоял у порога, пока она возилась у своего низкого шкафчика. Комната у нее была точно такая же, как у него, но имела другое, женское лицо. На крючке у умывальника висело вышитое крестиком полотенце, на деревянной полочке у зеркала стоял аптечный флакон с розовой водой, а платяной угол у кровати был прикрыт ситцевой шторкой. На подоконнике рядом с ровными стопками книг стоял горшок с геранью. На столе возле керосиновой лампы под белым абажуром лежали длинные серые листы свежих гранок. От них слабо тянуло типографской краской.

Полина Сергеевна достала жестяную банку, протянула ему. В высоком дверном проеме, освещенная теплым отблеском настольной лампы, ее фигура казалась хрупкой, почти детской.

Илья поблагодарил, вернулся в свою комнату и долил горючее. Вернул ей жестянку и полез в карман:

– Сколько я должен?

Она качнула головой:

– Не надо. У меня муж покойный тоже студентом был, – ее голос звучал чуть хрипловато. – Я знаю, как это бывает.

Илья помялся, убирая медную трешку. Сказать что-то еще было неловко. Но и просто поворачиваться спиной – тоже.

– Вы поздно сегодня, – заметил он, кивая на чайник. – Со смены?

– С дневной, – ответила она. – С восьми утра до восьми вечера. Сейчас вот чайник поставлю да хоть немного посплю. – Она слабо улыбнулась. – А вы все учитесь? Я иногда вижу из коридора – у вас лампа далеко за полночь горит.

– Экзамены скоро, – ответил Илья. – Остеологию сдаем. Кости, латынь.

– Кости? – она едва заметно повела бровью. – Это... по книгам? Или по настоящим скелетам?

Илья усмехнулся.

– По-настоящему. В анатомическом театре. Там все равны – и богатые, и бедные. Только белые кости остаются.

Она кивнула.

– Что ж, это справедливо. Хоть там равенство.

Они немного помолчали.

– Ну, спасибо вам, – сказал Илья. – Завтра же верну.

– Не торопитесь, – ответила она. – У меня запасено.

Он вернулся в свою «десятую палату», зажег лампу и снова сел за раскрытый учебник.

*

За окном стояло серое апрельское утро. В голых кустах в палисаднике шумно возились воробьи. Лидия Григорьевна заваривала чай в фаянсовом чайнике. Молча положила на скатерть серебряный полтинник.

– На конку. Или на бумагу. Решай сама.

Вера спрятала еще теплую монету в карман фартука – туда, где лежали наперсток и обрывки ниток.

Она вернулась к себе, выдвинула ящик комода и достала оттуда свою первую пару носков из грубой серой шерсти. Вязка получилась бугристой, пятка пузырилась. Носки не лезли в ботинки и всю зиму пролежали в комоде. Она взяла спицы и принялась аккуратно распускать шерсть. Потом смотала ее в тугой шар.

«Вот и я пока, – подумала она, глядя на клубок. – Еще не готовое изделие. Пока – только материал. Но материал крепкий, хороший. На одну вещь его должно хватить».

В шкатулке к тому времени скопилось уже почти сорок рублей. Летом уроков не будет: гимназисты разъедутся кто по подмосковным дачам, а кто в Крым. Но мать обещала договориться со знакомой белошвейкой, чтобы та взяла Веру к себе в помощницы. Работа предстояла однообразная: собирать кружевные вставки на батистовых камисолях, обметывать петли, выдергивать нити под сложную мережку на льняных скатертях. Но зато день будет занят с утра до вечера, и каждая строчка принесет свою копейку.

Посторонний наблюдатель

Вера вела очередной урок с купеческим сыном Костей Костроминым. Купец с семьей жили в новом, только прошлой осенью отстроенном особняке на Пречистенском бульваре. Стены были облицованы кремовой керамической плиткой, которая блестела и переливалась на солнце; по фасаду переплетались покрытые глазурью глиняные водяные лилии. Над высокими арочными зеркальными окнами-витринами застыли каменные маски женщин с закрытыми глазами; их распущенные волосы струями стекали вдоль рам. У дверей стоял суровый швейцар в суконном сюртуке с блестящими пуговицами. Внутри пахло восковой мастикой, пылью от пушистых ковров, духами и чем-то неуловимо чужим.

Кудрявый хорошенький Костя сидел за большим столом красного дерева и смотрел на Веру со скукой. Осенью его готовили к поступлению в первый класс гимназии. Она пыталась растолковать ему стихи Пушкина, казавшиеся мальчику чистым наказанием.

– Ну зачем мне это? – ныл он, отодвигая от себя раскрытый том. – Папа говорит, что главное в жизни – уметь считать деньги и не давать себя обманывать. А стихи… стихи барышням читают, когда ухаживают.

Вера на секунду замерла.

– Твой папа хорошо считает, это правда, – негромко произнесла она. – Вот только на приемном экзамене тебя будут спрашивать не про деньги, а про русский язык и словесность. И если ты там не сможешь связать двух слов и провалишь диктант, тебя просто выставят за дверь как неуча. Папа заплатит огромные деньги, а толку? Сможешь ты тогда защитить себя перед дворовыми мальчишками, если даже книжку прочесть ленишься?

Костя надулся, но страх провалиться все же его задел. Он шмыгнул носом, придвинул к себе книгу и принялся бубнить стихи.

Час прошел. Сонная горничная в кружевной наколке проводила ее до дверей. Вера вышла на бульвар. Воздух дрожал от зноя; солнце слепило глаза. Пахло цветущей сиренью, тополиной смолой, пылью и терпким сенным духом высохшего навоза. Дорожки были густо усеяны тополиными почками, лопавшимися под ногами и липнувшими к подошвам. Где-то за воротами тяжело вздыхали лошади, тонко позвякивали удила и доносились ленивые шлепки кожаных мухобоек. Она поправила соломенную шляпку и пошла вниз по аллее.

Дома в комнате стояла неподвижная духота. Мать, как всегда, сидела за столом у «Зингера», ритмично покачивая ногой тяжелую чугунную педаль. Швейная машинка мерно стрекотала. Окна были завешены простыми коленкоровыми занавесками, и сквозь них пробивался рассеянный желтый свет. В белом столбце света, падавшем сквозь щель, кружились серые ворсинки.

Увидев Веру, Лидия Григорьевна прижала раскрытую ладонь к гладкому ободу махового колеса; оно замерло. В тишине стало слышно, как жужжит и бьется в стекло толстая муха. Мать кивнула на комод.

– Тебе записка. Федот занес полчаса назад.

Вера развернула плотный лист. На нем было выведено размашистым почерком:

«Вера, здравствуй! Погода в Москве такая, что хоть в реку прыгай. Может, сбежим из дома на час? Гуляю сегодня после шести. Если сможешь – приходи к Пречистенским воротам. С.»

Она перечитала письмо, чувствуя, как на губах появляется улыбка. Потом сложила записку и спрятала в карман.

– От Сергея? – спросила мать.

– Приглашает пройтись по бульвару, – ответила Вера, стараясь, чтобы голос звучал буднично. – Сегодня, после шести вечера.

Мать помолчала, натягивая нить. Подняла голову и посмотрела на дочь.

– Пойдешь?

Вера пожала плечами, хотя внутри уже все было решено. Уроки, вечные мысли о деньгах, о поступлении давили так, что порой хотелось бежать куда глаза глядят. А Сергей… С ним было легко.

– Пойду, – сказала она. – Отчего бы не пройтись.

Лидия Григорьевна понимающе кивнула.

– Хорошо, – сказала она. – Проветрись, Верочка. А то и впрямь засиделась ты над своими книжками.

Вера ушла к себе, открыла шкаф и достала платье из бледно-голубого шелка – то самое, что надевала на рождественский вечер. Надела корсет, но не стала шнуровать туго, затянула лишь слегка, ради приличия, позволяя себе дышать полной грудью. Заплела длинную косу и уложила ее на затылке в пышный узел. Затянула тонкие шнурки на кожаных полуботинках с низким каблуком-рюмочкой.

Перед самым выходом посмотрела в зеркало. Оттуда на нее смотрела раскрасневшаяся девушка, совсем не похожая на собранную Веру Петровну, какой она была у учеников.

«Это просто прогулка, – сказала она своему отражению. – Мне нужно немного отвлечься».

К шести часам Вера подошла к площади. Солнце уже склонялось к западу; наступила долгожданная прохлада. Мимо тянулись пролетки, груженные корзинами, чемоданами и фикусами в горшках: респектабельная Москва спасалась от жары на дачах. Вечером площадь бурлила: мужчины в чесучовых пиджаках, дамы в летних платьях под кружевными зонтиками, приказчики в рубахах без жилетов, кухарки с корзинками – все куда-то торопились. Стоял непрерывный гомон: голоса, крики извозчиков, дробный стук сотен копыт, грохот колес о булыжник, резкие свистки городовых.

Сергей стоял у самого начала бульвара, прислонившись к кованой ограде, и лениво крутил в руке фуражку. На нем был полотняный белый китель, расстегнутый у ворота. Китель удивительно шел к его открытому лицу и светлым волосам, делая его еще заметнее в толпе.

– Пришла! – обрадовался Сергей и шагнул ей навстречу. – А я уж думал, что ты зажаришься в своих книжках и не выйдешь. Идем скорее, а то у ворот дышать нечем.

Они пошли по бульвару. Вечерний воздух казался почти прохладным. Удушливо пахло вечерней сиренью, мокрой землей и травой – поливальщики только что полили клумбы из шлангов.

– Слышал я, ты теперь у Костроминых младшего уму-разуму учишь? – спросил Сергей, когда они свернули в тенистую аллею. Он шел рядом, засунув пальцы в карманы светлых парусиновых брюк.

– Учу, – ответила она, чуть усмехнувшись. – Только Костя считает, что уму-разуму его учит папа. Объявил мне сегодня, что Пушкин нужен только для того, чтобы читать барышням стихи при ухаживании. А главное в жизни – уметь считать деньги.

– Ну, в чем-то малец прав, – рассмеялся Сергей. – Я, например, тоже иногда думаю: если бы не барышни, половину наших классиков можно было бы вообще из гимназической программы выкинуть... Но ты не слушай меня, я циник.

– Ты не циник, – возразила Вера, глядя на его открытое лицо. – Ты просто… умеешь не принимать все к сердцу.

Сергей пошел чуть боком, всматриваясь в ее лицо.

– А ты, выходит, принимаешь?

– Приходится, – тихо вздохнула она. – Если я не стану принимать, кто же тогда будет?

Они помолчали, идя мимо зеленых скамеек, где сидели молодые пары, няньки с детьми, старики с развернутыми газетами. Где-то в глубине бульвара играла шарманка.

– Слушай, – сказал вдруг Сергей, – а давай зайдем в кондитерскую? Тут есть одна совсем рядом, на Пречистенке… Там такие пирожные делают. Я угощаю.

Вера колебалась. Пирожные – это дорого, и тратить деньги на такие пустяки казалось неразумным. Но Сергей смотрел на нее с такой надеждой, что отказать было невозможно.

– Только недолго, – сказала она. – Мне еще к завтрашнему уроку готовиться.

Они зашли в маленькую кондитерскую. Внутри было уютно, вдоль стен стояли круглые столы на витых чугунных ножках, покрытые белыми скатертями, а на окнах белели кружевные занавески. Пахло ванилью, корицей, топленым молоком и свежим бисквитом; за стеклом витрины красовались слоеные булочки, шоколадные конфеты в вощеных обертках и пирожные.

Сергей заказал два эклера и чай в фарфоровом чайнике. Пока они ждали, он рассказывал о своих профессорах и смешных случаях из университетской жизни: о том, как один его однокурсник перепутал на семинаре Юстиниана с Диоклетианом и получил отповедь, после которой весь день ходил красный, как рак.

Вера слушала и улыбалась. В зале было прохладно, чай был ароматный, а эклер – восхитительный, тающий во рту: нежное заварное тесто, крем, тонкий слой глянцевой глазури. Она ела медленно, растягивая удовольствие, и замечала его внимательные взгляды.

– Хорошо с тобой, Вера, – сказал он вдруг, и в его голосе не было прежней шутливости. – Легко как-то.

Она молча кивнула, не зная, что ответить.

Потом они снова шли по Пречистенскому бульвару, уже в сумерках. Вдоль аллей зажглись желтые газовые фонари, воздух стал свежее, и где-то совсем рядом, из усадебного сада, раздалось пение соловья. Сергей осторожно взял ее под руку. Вера не стала возражать – так действительно было удобнее идти по неровной дорожке, да и сам майский вечер настраивал на этот лад.

У ворот ее дома они остановились. Сергей замялся, зачем-то сдернул и тут же снова надел фуражку. Сказал тихо:

– Спасибо тебе. За то, что выбралась со мной. Я ведь понимаю, у тебя уроки, дел невпроворот… Но если вдруг захочешь еще раз от всего этого отвлечься – ты только черкни два слова через Федота. Я в ту же минуту прибегу.

Вера улыбнулась.

– Спасибо тебе. И за кондитерскую, и за компанию.

– Ну, пирожные – это пустяки, – отмахнулся он, хотя уши у него заметно покраснели. – Главное – компания. Твоя.

Он помедлил, точно хотел сказать что-то еще, но так и не решился. Коротко кивнул и быстро пошел в сторону Остоженки.

Вера поднялась по скрипучей темной лестнице, открыла дверь. Мать сидела не за «Зингером», как обычно, а за столом, подперев рукой щеку. В рассеянном желтом круге света прикрученной лампы лежало распечатанное письмо.

– От Аделаиды, – сказала она, заметив дочь. – Из Одессы. Помнишь, я тебе рассказывала про нее? Танцевали вместе… Зовет к себе. Пишет: «Пока ноги носят, Лидочка, приезжай, хоть повидаемся перед концом».

Мать помолчала.

– Ну а ты? Хорошо погуляли?

– Да, – ответила Вера, снимая соломенную шляпку и вешая ее на крючок. – По Пречистенскому бульвару прошлись. В кондитерской были.

– В кондитерской? – Лидия Григорьевна слегка приподняла бровь, в голосе звучало легкое любопытство. – Это хорошо. В такую жару в прохладном зале, наверное, особенно приятно.

Она провела пальцем по конверту, а затем, не поднимая глаз, негромко добавила:

– Сергей – приятный молодой человек. Умный. И воспитанный.

Вера молчала, перебирая в памяти этот вечер: кондитерская, эклер, сумерки, шутки Сергея и его слова у ворот.

– Да, – сказала она наконец. – Приятный.

Мать молча кивнула. Больше она ни о чем спрашивать не стала. За тонкой стеной тихо позвякивал фаянс – соседи прибирались после ужина.

Вера прошла к себе, зажгла лампу, достала дневник из ящика стола.

«Сегодня гуляла с Сергеем. Он рассказывал про университет, про своих профессоров. Потом мы зашли в кондитерскую, он угощал эклером. Обратно шли по бульвару, уже совсем в темноте, в садах пели соловьи. Он взял меня под руку, и я не стала отнимать. Просто было удобнее так идти. Мама спросила, хорошо ли мы провели время. Я сказала – да. Она больше ничего не спросила».

Вера закрыла дневник и еще долго сидела неподвижно, глядя на отражение лампы в оконном стекле. Дом стих; только из комнаты матери доносился чуть слышный скрип стула – та так и не ложилась, все перечитывала одесское письмо.

Вера задула лампу и легла. Уже проваливаясь в сон, она вспомнила его лицо под желтым газовым фонарем, когда он смотрел на нее у ворот. И улыбнулась. Город, убаюканный жарой, спал за окном.

*

А первого сентября 1903 года Вера вошла под просторные своды Политехнического музея на Лубянской площади. Там размещались аудитории Высших женских курсов. На ней была белая блузка, накрахмаленная до хруста, и серая юбка, перешитая из старой маминой. Под мышкой она сжимала старую кожаную папку. В кармане лежало казенное извещение о приеме: *«Слушательница историко-филологического отделения»* .

Высокий вестибюль гудел. Эхо сотен голосов разбивалось о каменные плиты. Стены были выкрашены охристой матовой краской до половины; осенний неяркий свет от огромных окон падал широкими квадратами на метлахскую серо-терракотовую плитку пола. Пахло свежей побелкой, нафталином от пальто и дешевыми духами. Сотни курсисток в закрытых платьях, темных юбках и блузках с высокими воротниками-стойками теснились у доски с расписанием. Они негромко переговаривались, нервно посмеивались и озирались по сторонам.

Вера медленно скользнула взглядом по толпе. Вот веснушчатая рыжая девушка в очках с железной оправой – явно из провинциальных мещанок. Две смешливые девицы-двойняшки в модных шерстяных жакетах с рукавами «епископ» – скорее всего, дочери купца или чиновника. Худая брюнетка с бледным лицом и короткой стрижкой, в глухом платье без единого украшения – эта, возможно, ходит на тайные сходки. И – совсем молоденькая, почти девочка, в блузке устаревшего фасона, испуганно прижимающая к груди связку книг – видимо, одна в Москве, без родных.

Вера поднялась вместе со всеми по широкой каменной лестнице на второй этаж, где была большая аудитория с амфитеатром и темными лакированными партами со скамьями. Приват-доцент Кизеветтер – невысокий статный мужчина с густой бородой и в круглых очках – читал лекцию о внутреннем состоянии России в канун преобразований Александра Первого. Он расхаживал перед доской, говорил без бумаги, не повышая голоса, сильным баритоном, со страстью к своему делу. Он ловил взглядом глаза слушательниц, задерживая внимание на каждой, и от этого захватывало дух.

Вера не бросила уроки. Их стало даже больше. Костя поступил в гимназию, и Костромины отказались от ее услуг. Зато появились другие: дочка аптекаря с Пречистенки, братья-гимназисты из семьи присяжного поверенного и тихая девушка с Арбата, готовившаяся к поступлению на то же отделение.

Каждый час был на счету. Утро – лекции в Политехе, день – уроки, вечер – библиотека и подготовка к семинарам. Изредка удавалось выкроить свободный час – и этот час принадлежал Сергею.

Обычно он поджидал ее у подъезда Политехнического музея, прислонившись к ограде. Она выходила на крыльцо – усталая, со связкой книг и туго набитой тетрадями папкой, – и при виде его улыбки внутри разливалось тепло. Он забирал ее ношу, и они шли пешком в сторону Театральной площади, чтобы спуститься вниз по Моховой. Сергей шутливо предлагал:

– Ну что, Вера Петровна, не заглянуть ли нам к Сиу на углу Охотного? Или, может, предпочтете чашку кофия с бисквитом у Эйнема здесь же на Театральной?

Чаще всего они шли к Сиу. В зале было тепло, пахло какао и ванилью. Горели электрические лампы за матовыми плафонами, стояли столики на чугунных фигурных ножках с мраморными столешницами. Они садились на гнутые венские стулья у самого стекла. За окном стояли ранние сумерки, моросил мелкий дождь; в покрытом потеками стекле Вера видела их отражения на фоне размытых пятен уличных фонарей и спешащих под зонтами силуэтов прохожих. Они пили густой горячий шоколад или варшавский кофе и с хрустом кусали только что испеченные слоеные пирожки с соленой брынзой.

– Ну как твои курсистки? – спрашивал он. – Есть интересные экземпляры?

– Есть, – отвечала Вера. – Ты знаешь, одна на первой же лекции руку подняла и решилась возразить. Александр Александрович как раз говорил о реформах Александра Первого. Он так мягко, с улыбкой говорит ей: «Помилуйте, сударыня, но официальные документы утверждают иное…» А она не отступает: «Простите, профессор, но если открыть записки князя Чарторыйского в последнем номере “Вестника Европы”? Негласный комитет был лишь ширмой, а государь просто играл в преобразования». Все буквально замерли. Я чуть не зааплодировала ей.

– Ого, – Сергей сделал испуганное лицо. – Боевая девица. Смотри, подружишься с ней – и она тебя в тайный кружок утащит.

– А ты разве против тайных кружков? – в шутку спрашивала она.

– Я – за то, чтобы у тебя просто все было хорошо, – отвечал он тихо. – И чтобы ты так не уставала.

Вера отвела глаза в сторону и перевела тему. Ей сделалось не по себе.

Иногда они уходили далеко от шума центральных улиц. Доезжали на конке до Девичьего поля и оттуда дворами и переулками забирались на самый верх Ростовского холма. Оттуда со старой кручи за церковью Благовещения Бережковская набережная и вся низинная Москва лежали как на ладони – с темными куполами дорогомиловских церквей, высокими трубами мануфактур и бесконечными крышами деревянных домов. Они подолгу стояли над обрывом, глядя, как внизу, у черной воды, один за другим зажигаются тусклые керосиновые фонари.

Дома Вера замечала на себе долгие взгляды матери. Та ни о чем не расспрашивала – она вообще не лезла дочери в душу, – но иногда роняла как бы между прочим:

– Ты сегодня задержалась, Верочка.

– С Сергеем гуляли, – коротко отвечала Вера.

Мать понимающе кивала. Ничего не спрашивала.

А Вера молчала, тщательно приглаживая скромный кроличий мех на воротнике. Она не собиралась ничего скрывать, просто ей было не по себе, и она никак не могла понять, почему. С Сергеем было легко, хорошо, но где-то под ребрами ныла непонятная тоска. Вере хотелось отмахнуться от этого странного чувства, но оно не уходило.

Иногда она ловила себя на том, что ждет его записок, которые он передавал через Федота или прятал в условленной нише у ворот. Иногда – что боится этих листков. В ее дневнике стали появляться новые, странные записи:

«16 октября. Сегодня после лекции он поджидал меня у входа в Политех. Говорит, два часа мерз у ворот. Промок насквозь, пальто мокрое, хоть выжимай. Я рассердилась – зачем

такие глупости делать? Он только улыбнулся: "Хотел тебя увидеть". Отчего мне от этого так трудно? Почему я не могу просто сказать – спасибо?»

«23 октября. Гуляли с Сергеем. На Лубянском проезде вскрыли всю мостовую под телефонные кабели, глины по колено. Он взял меня за руку, когда мы переходили разрытые траншеи по мосткам. И не отпускал потом долго. Ладонь у него большая, теплая. Я подумала: вот бы и идти так, ни о чем не заботясь. А потом испугалась: а дальше-то что? И сделалось страшно. Сама не знаю отчего».

«3 ноября. Мать спросила, не хочу ли я пригласить Сергея на чай. Я ответила – нет, не стоит. Она не настаивала. Но я видела, как мама посмотрела на меня. Будто я сама себя чего-то лишаю. Может, так оно и есть. Но я не могу. Я не могу представить его здесь, в нашей комнате, за нашим столом, при нашей лампе. Это все мое. А он… он совсем из другого мира. Или я просто боюсь, что он станет моим – и тогда что останется мне самой?»

*

В те же дни Илья сидел над раскрытым учебником по физиологии в своей «десятой палате». Керосинка под зеленым жестяным абажуром подрагивала – фитиль давно надо было подрезать, да все руки не доходили. Было холодно – в голландке догорали последние угольки. Пахло карболкой, въевшейся в сукно за долгие часы в анатомичке, сыростью и остывшей картофельной шелухой: он ел ужин без вкуса, стоя у стола.

За окном тихо падал первый московский снег. В этом безмолвном кружении было что-то успокаивающее. Илья накинул на плечи старое байковое одеяло – завтра нужно будет докупить дрова.

В голове поверх физиологических схем стоял образ. Вера. В своем неизменном пальто и скромной фетровой шляпе, шея плотно укутана шарфом. Волосы убраны в узел на затылке – так она казалась взрослее, строже. Рядом с ней – Сергей. Они шли совсем близко, плечом к плечу, по присыпанной белым пухом улице. Сергей что-то увлеченно говорил, жестикулируя, а она слушала, чуть склонив голову, и ее лицо казалось непривычно мягким, согретым живой улыбкой.

Илья видел их вчера, возвращаясь от ученика с Плющихи. Он торопливо шел по Смоленскому бульвару, пряча лицо в воротник от ветра, и вдруг замер. Ноги сами шагнули в тень подворотни, спина прижалась к холодному камню. Они прошли мимо в каких-нибудь пяти шагах от него. Вера не заметила его – или сделала вид. Сергей точно ничего не замечал, увлеченный разговором и ею.

Он долго смотрел им вслед – как снег ложится на их плечи и как Сергей, рассказывая что-то, осторожно берет ее за руку. В голове вспыхнула короткая мысль: «Она счастлива». И следом другая: его в этой картине не могло быть.

Илья поправил съехавшее с плеча одеяло и заставил себя смотреть в книгу. Все выходило правильно, по понятным законам этого мира, в который он – со своим запахом карболки и въевшимися под ногти чернилами – просто не вписывался.

Он закрыл учебник. Открыл ту самую тетрадь в серой обложке. Пальцы невольно погладили шершавый коленкор. Илья открыл чистую страницу, макнул перо в непроливашку и вывел:

«Блуждающий нерв угнетает и тормозит удары сердца. Всякий рефлекс можно подавить или перенаправить. Чувство – психический акт. Чистая физиология, результат раздражения проводящих путей. Боль – субъективное ощущение, реакция организма на повреждение. Ее локализация не всегда совпадает с истинным источником».

Чернильная клякса сорвалась с пера, упала на строку и расплылась темным пятном.

Он закрыл тетрадь, потушил лампу и лег, не раздеваясь, под старое одеяло. Смотрел в потолок и думал о том, что завтра его ждут лекции, практикум по гистологии, холодная анатомичка. После обеда – опять беготня по урокам. А ночью – на дежурство в аптеке.

И это было хорошо. Не оставалось времени на то, чтобы думать о чужом благополучном мире, где можно просто идти по бульвару и держать за руку ту, что улыбается тебе настоящей улыбкой.

Он закрыл глаза. Снег продолжал падать за окном, укрывая темные переулки Хамовников и всю огромную Москву.

Б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.